

Глава III. Судъ. Ссылка. Прочія мѣры преслѣдованія отъ боярь.

Источники нашихъ свѣдѣній о судѣ надъ Никономъ. — Дни судебныхъ засѣданій по дѣлу Никона. — Нарочитое умолчаніе официальныхъ протоколовъ объ обличеніи боярь Никономъ и о его разговорѣ съ Царемъ. — Какъ составлялись официальные протоколы соборныхъ засѣданій. — Что происходило въ залѣ засѣданія 3 или 4 декабря, на которомъ не было Никона? — Отношеніе Лигарида къ католичеству во время дѣла Никона. — Никонъ, отсутствуя при обвиненіяхъ его въ опозореніи Царя и своего стада, лишень былъ возможности точно опредѣлить свое обличеніе ихъ въ приобщеніи къ Лигариду. — Незаписанный въ протоколахъ инцидентъ обращенія Царя къ боярямъ и отвѣтъ Никона. — Сцена между Никономъ и Царемъ. — Основная идея боярства въ борьбѣ противъ Никона. — Въ чемъ обвиняли на судѣ Никона? Отсутствіе обвиненія его на судѣ въ восхищеніи свѣтской власти. — Соборъ неоднократно возвращается къ вопросу объ уходѣ Никона 1658 г., но не изслѣдуетъ этого вопроса. — Составъ участниковъ суда надъ Никономъ. — Обстановка суда. — Рѣчь Царя и вопросъ Никона о полномочіяхъ Константинопольскаго Патріарха. Обманъ Патріарховъ по отношенію къ Никону. — Допросъ Никона объ его уходѣ въ 1658 г. — Заочное обвиненіе Никона во лжи и въ оскорбленіи Царя за обличеніе въ приобщеніи къ католическому ученію. — Обращеніе Патріарха Паисія къ Царю о причинахъ своего прихода и его самопротиворѣчія. — Возобновленіе допроса объ уходѣ Никона въ засѣданіи 5 декабря, опять безъ уясненія его основныхъ причинъ. — Никонъ заявляетъ, что судящіе его Патріархи теперъ не Патріархи. Отказъ Никона отвѣчать. — Намѣренное искаженіе дѣйствій Никона его врагами. — Чтеніе въ засѣданіи 5-го декабря патріаршихъ свитковъ (14-24 главы.). — Никонъ заявляетъ, что глава XV свитковъ содержитъ искаженный канонъ. — Никонъ вновь отрицаетъ фактъ отреченія отъ кафедръ и говоритъ о гоненіи противъ него. Въ чемъ выразился гнѣвъ Царя? — Заявленіе Патріарховъ о своемъ апостольскомъ преемствѣ и титулахъ. — Разсужденія о судѣ надъ Патріархомъ. — Возраженіе Никона противъ искаженія и примѣненія 12 Антиохійскаго правила. — Патріархи задаютъ вопросъ о наказаніи Никона греческимъ и русскимъ епископамъ. — Приговоръ надъ Никономъ, прочитанный 5 декабря, и отвѣтъ Никона. — Неоснованность обвиненій, объявленныхъ въ протоколѣ 5 дек. — Тенденціозность суда надъ Никономъ. — Окончательное судебное рѣшеніе по дѣлу Никона, читанное 12 декабря въ Чудовомъ монастырѣ. — Обрядъ низверженія изъ сана, продѣланный надъ Никономъ 12 дек. — Мотивы дѣйствій Патріарховъ въ судѣ надъ Никономъ. — Отношеніе Константинопольскаго Патріарха къ совершившемуся приговору надъ Никономъ. Письмо Парфенія IV Царю. — Положеніе финансовое Лигарида въ Москвѣ. — Никонъ возлагалъ отвѣтственность за приговоръ на Царя, но болѣе виновными считаетъ боярь. — Судьба Никона въ ссылкѣ. Два теченія въ Москвѣ въ отношеніи къ Никону. — Никонъ не прощаетъ Царя какъ Патріархъ Царя, но прощаетъ какъ человѣкъ человѣка. — Отношеніе Царя къ Никону въ ссылкѣ. — Никонъ самъ также просилъ прощенія у Царя за личныя обиды. Его сообщеніе Царю о своей жизни въ ссылкѣ. — Никонъ и въ ссылкѣ не признавалъ суда 1666 г. надъ собой каноническимъ. — Царь дѣлаетъ послабленія Никону, когда съ его вторымъ бракомъ обезсиливаются Милославскіе. — Никонъ считаетъ судъ 1666 г. несчастьемъ для русскаго государства и Церкви. — Никонъ отказывается въ формальномъ прощеніи умершему Царю. — Выявленіе боярской злобы послѣ смерти Царя Алексѣя Михайловича, до тѣхъ поръ сдерживаемое. — Неурегулированность положенія Никона въ ссылкѣ. — Надпись на крестѣ въ Ферапонтовомъ монастырѣ. — Доносъ (ложный) на Никона въ государственной измѣнѣ (съ Донскими казаками Стеньки Разина). — Сношенія Никона съ митрополитомъ Аѳанасіемъ Иконійскимъ, сообщающимъ ему объ отношеніяхъ къ его дѣлу Константинопольскаго Патріарха. — Сообщеніе Никона о Донскихъ казакахъ. — Возобновленіе преслѣдованій Никона въ 1676 г. послѣ смерти Царя. Собираніе всѣхъ клеветъ. — Почва, на которой явились клеветники на Никона въ гнусныхъ поступкахъ и измѣнѣ — усиленіе враговъ Никона и желаніе приставовъ выслужиться передъ ними. — Заочный судъ надъ Никономъ 15 мая 1676 г., безъ предварительнаго допроса свидѣтелей и его по однимъ доносамъ. — Умолчаніе Соловьева о характерѣ свидѣтельскихъ показаній и свидѣтелей на судѣ 1676 года. — Опроверженіе Никона на обвиненія въ 1676 г. — Показанія свидѣтелей (1676 г.) оправдываютъ Никона отъ клеветъ, но эти показанія уже послѣ суда. — Отношенія Никона къ боярству. — Бояре враждебные Никону вышли изъ лицъ близкихъ ко двору или занимавшихъ высшіе посты. — Участіе Никона въ государственной политикѣ его времени. — Боярство, добившись осужденія Никона, обезсилило положеніе Патріарха въ государственномъ строѣ — Сравненіе Никона съ Крижаничемъ и Петромъ I въ политическихъ идеяхъ.

Источники нашихъ свѣдѣній о судѣ надъ Никономъ.

О времени и дѣятельности суда намъ повѣствуютъ официальные протоколы, мемуары Шушерина, написанные со словъ свидѣтелей черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ суда, и Паисія Лигарида „Исторія“, написанная въ 1666 г., а также работы Соловьева (на ос-

нованіи офіціальних матеріаловъ), Каптерева, Гюббенета, митрополита Макарія и Пальмера. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что офіціальныя протоколы, использованныя Соловьевымъ и напечатанныя во второмъ томѣ Гюббенета не отличаются полнотою, вслѣдствіе отсутствія стенографической записи, что они существуютъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ краткой и сокращенной, изъ которыхъ однѣ упоминаютъ объ однихъ происшествіяхъ, а другія о другихъ; мало того, въ офіціальныя протоколы включено только то, что разрѣшило правительство, потому базироваться на однихъ офіціальныхъ протоколахъ было бы односторонне. Это обстоятельство вынудило изслѣдователей дополнить ихъ сообщенія показаніями другихъ лицъ и дѣлать самостоятельныя выводы изъ того, что вошло въ офіціальныя отчеты и изъ того, что не вошло. Черезъ это получились и разногласія. Для насъ эти разногласія особенно важны, ибо освѣщаютъ проявленную правительствомъ тенденціозность въ Никоновскомъ дѣлѣ во всѣхъ его стадіяхъ.

Дни судебныхъ засѣданій по дѣлу Никона.

Всѣ сочиненія одинаково признаютъ, что днемъ формальнаго низверженія изъ сана Никона было 12 декабря 1666 г. и всѣ, кромѣ Шушерина (арестованнаго 30 ноября и могшаго при записи черезъ нѣсколько лѣтъ спутать числа) утверждаютъ, что послѣднее засѣданіе по дѣлу Никона, въ которомъ происходило окончательное констатированіе его винъ и примѣненіе къ нимъ правилъ, было 5 декабря. Но затѣмъ идутъ разногласія. Лигаридъ упоминаетъ еще только объ одномъ засѣданіи 1 декабря, гдѣ и происходитъ все предшествующее окончательному рѣшенію въ присутствіи Никона; офіціальныя же протоколы (нѣкоторые) дробятъ предшествующее (5-му декабря) разсмотрѣніе дѣла на 2 засѣданія — 1 и 3 декабря, или соединяютъ все въ одно засѣданіе. На основаніи этого и Соловьевъ, и Каптеревъ, и Гюббенетъ, и Митрополитъ Макарій размѣщаютъ все дѣло въ эти же числа, съ той, однако, разницей, что Соловьевъ умалчиваетъ объ отсутствіи на второмъ изъ нихъ самого Никона, а Каптеревъ отмѣчаетъ его отсутствіе, такъ же Гюббенетъ и митрополитъ Макарій,¹ что очень важно, ибо на засѣданіе, относимое ими на это число, падаетъ, по ихъ же утверженію, предьявленіе важнѣйшихъ доказательствъ въ обличеніи Никономъ Царя и всего синклита и все-

¹ М. Макарій (Ист. Рус. Церкви, т. XII, 724 стр. примѣч.) доказываетъ отсутствіе Никона въ засѣданіи 3 дек. ссылкой на запись въ Патріаршихъ выходахъ, гдѣ сказано, что 3 декабря были въ верху у Государя Вселенскіе Патріархи и Московскія власти, а Никона не было.

го народа въ еретичествѣ изъ за слѣдованія за Лигаридомъ, а равно и представленіе писемъ Никона съ подписью „бывшій Патріархъ" (для доказыванія наличности отреченія, Никонъ въ другое время объяснилъ, что это не было отреченіе, а признаніе, что для Царя онъ не Патріархъ, то есть „что Царь не почитаетъ его Патріархомъ). Напротивъ, Пальмеръ это дѣяніе выдѣляетъ въ особое засѣданіе, на которое Никонъ не былъ приглашенъ, и которое происходило, по его мнѣнію, 4 декабря, а все предшествующее было подѣлено между засѣданіемъ 2 и 3 декабря, — когда и произошло предъявленіе Никону обвиненія въ отреченіи и уходѣ, и читалась грамота Никона къ Константинопольскому Патріарху въ качествѣ новаго обвиненія, предъявленнаго впервые ему на засѣданіи въ оскорбленіи Царя и всего синклита въ приобщеніи къ костелу.

Разногласіе о томъ, было ли первое засѣданіе съ участіемъ Никона 1 или 2 декабря, для характеристики дѣла не имѣетъ значенія; не имѣетъ особаго значенія и то, было ли засѣданіе безъ Никона 3 или 4 декабря, ибо разногласіе объ этомъ не приводитъ къ разногласію о томъ, что происходило въ отсутствіи Никона. Каптеревъ, Соловьевъ Гюббенетъ, Пальмеръ, Митрополитъ Макарій — всѣ согласны въ томъ, что именно происходило въ его отсутствіе, и разногласіе относится къ распредѣленію предшествующаго разбирательства на разныя числа дней, что не такъ важно. Но существенное значеніе имѣетъ указаніе на отсутствіе Никона при обвиненіяхъ на него и объявленіи въ этомъ засѣданіи со стороны Патріарха Паисія, что Никону вѣрять больше не будутъ, ибо онъ лжетъ. Характерно, что Соловьевъ, во всемъ пристрастно старающійся обвинить Никона, и не отгѣняетъ этого величайшаго судопроизводственнаго нарушенія, даже стусевываетъ самый этотъ фактъ, впадая въ противорѣчіе съ самимъ собой, что и отмѣтилъ Гюббенетъ, описывающій въ XIV главѣ засѣданіе 3 декабря: „Соловьевъ пишетъ: 3 декабря было второе засѣданіе безъ Никона", а четырьмя строками ниже пишетъ: „когда подсудимый вошелъ, Царь, опять сойдя съ своего мѣста, говорилъ Патріархамъ рѣчь. Но Никона не было на этомъ засѣданіи и Соловьевъ самъ объ его участіи больше не упоминаетъ. Совершенно ясно, что въ дѣйствительности Никона не было на этомъ засѣданіи".

Нарочитое умолчаніе официальныхъ протоколовъ объ обличеніи бояръ Никонъ и его разговоръ съ Царемъ.

Что официально протоколы умолчали объ отсутствіи Никона въ засѣданіи, гдѣ ему были прибавлены обвиненія, расчи-

танныя на самое строгое отношеніе къ нему, что изъ нихъ были выпущены инья обличительныя слова Никона о боярахъ и его разговоръ съ Царемъ, изъ котораго видно, что Царь чувствовалъ движеніе своей совѣсти при великой несправедливости къ Никону и заглушалъ его противоположными чувствами, — ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго. Стоитъ только вспомнить, что говорить изучавшій дѣятельность Московскихъ Соборовъ Каптеревъ объ этихъ протоколахъ вообще и въ частности о протоколахъ Собора 1666 г. въ своемъ сочиненіи: „Царь и Московскіе церковные Соборы XVI и XVII столѣтій" (въ Бог. Вѣст. 1906, III).

Какъ составлялись официальные протоколы соборныхъ засѣданій.

Его сужденія объ этомъ имѣютъ особую силу именно въ отношеніи постановленій Соборовъ, бывшихъ послѣ ухода Никона, когда Царь сталъ фактически во главѣ управленія Церковью. Мы полагаемъ, что сужденіе проф. Каптерева о значеніи Государя на церковныхъ Соборахъ, бывшихъ до этого времени, было преувеличеннымъ, въ виду его особаго намѣренія доказать, что Царь былъ верховной властью въ церковныхъ дѣлахъ; работы Соборовъ 1660 г. и 1667 г. не могутъ служить для обобщенія и примѣненія выводовъ относительно нихъ ко времени предшествующему, ибо они происходили послѣ совершеннаго Царемъ, но неотмѣчаемаго ни въ одномъ изъ сочиненій Каптерева, каноническаго переворота послѣ ухода Никона: захвата Царемъ церковнаго управленія. Его соображенія объ этихъ именно Соборахъ 1660 и 1666 г. заслуживаютъ принятія, ибо въ это время дѣйствительно всталъ во главѣ церковнаго управленія Царь. Вотъ что онъ пишетъ: (Ib. стр. 644). „Всѣ соборныя засѣданія происходили подъ постояннымъ наблюденіемъ Государя; когда онъ самъ не присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ, то посылалъ на Соборъ своихъ довѣренныхъ бояръ, думныхъ дворянъ и дьяковъ; Государю докладывалось о всякомъ рѣшеніи и заключеніи, къ какому приходилъ Соборъ по тому или другому вопросу; Соборъ среди своихъ засѣданій требовалъ отъ Царя дальнѣйшихъ указаній и распоряженій для веденія соборныхъ дѣлъ и, какъ скоро получалъ ихъ, сейчасъ же приводилъ въ исполненіе". Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: (стр. 654). „Весь процессъ выработки соборныхъ рѣшеній и постановленій находился въ прямой или косвенной зависимости отъ Государя и въ большинствѣ случаевъ служилъ выраженіемъ царскихъ намѣреній и желаній въ сферѣ церковныхъ дѣлъ. То же нужно сказать и объ окон-

чательныхъ постановленіяхъ Соборовъ, получившихъ потомъ силу закона. Всѣ соборныя обсужденія, мнѣнія и рѣчи записывались на Соборахъ частными лицами, и на основаніи этихъ записей, составлялись по томъ такъ называемыя „соборныя дѣянія“. Нероновъ заявилъ на Соборѣ: „азъ же говорилъ Андреяну протопопу: что ты братъ Андреане, мои рѣчи пишешь не всѣ, а что вы говорите съ Патріархомъ всякія неподобныя вещи и тѣхъ ни единой рѣчи не пишешь?“... На соборномъ судѣ надъ Никономъ въ 1666 г. было нѣсколько человѣкъ, которые записывали каждый все, что дѣлалось и говорилось на Соборѣ; нѣсколько такихъ записей въ черновомъ видѣ дошли до насъ. Обработка соборныхъ матеріаловъ, извлеченіе изъ нихъ нужныхъ постановленій требовало иногда много времени, а иногда и прямо творчества со стороны тѣхъ лицъ, которымъ Царь поручалъ составить соборныя дѣянія. Возьмемъ на примѣръ Соборъ 1666—1667 гг. составить дѣянія котораго Царь поручилъ извѣстному Симеону Полоцкому. Послѣдній передъ официальными дѣяніями Собора сначала помѣщаетъ сочиненное, очень витъеватое и довольно безсодержательное, оказаніе о святомъ Соборѣ повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ царствующемъ преименитомъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ на новоявльшія раскольники и мятежники святыя православныя, каѳолическія церкви, совокупленномъ въ лѣто 7174. Помѣстивъ сочиненное имъ сказаніе, Полоцкій переходитъ затѣмъ къ изложенію самихъ соборныхъ дѣяній. Такъ какъ соборныя засѣданія были открыты рѣчью Царя къ Собору, то онъ прежде всего помѣщаетъ: „Слово великаго Царя къ освященному Собору“. Но здѣсь же дѣлаетъ такую любопытную замѣтку: „Здѣ написати рѣчь великаго Государя“, или, „доложивъ его, великаго Государя, сію послѣдующую“ т. е. Полоцкій попросту самъ сочиняетъ рѣчь отъ лица государя и, съ доклада государю, помѣщаетъ ее, какъ царскую рѣчь, въ соборныя дѣянія... Въ отвѣтъ на обращеніе Царя къ Собору отъ лица послѣдняго говорилъ Новгородскій митрополитъ Питиримъ... И опять Полоцкій вноситъ свое сочиненіе въ текстъ соборныхъ дѣяній, выдавая его за отвѣтъ государю Питирима... Иногда нѣкоторыя дѣянія Соборовъ Царь считалъ неудобнымъ предавать оглашенію и тогда онъ совсѣмъ ихъ вычеркивалъ изъ официальныхъ соборныхъ дѣяній, какъ не бывшія. Такъ на примѣръ, на Соборѣ 1667 г. въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій горячо обсуждался вопросъ о власти

царской и патріаршей, приче́мъ русскіе архіереи очень единодушно и настойчиво проводили ту мысль, что священство выше царства (наученные, добавимъ, ученъемъ и жизнью Никона, котораго они предали ради мірскихъ благъ), тогда какъ греческіе архіереи (Лигаридь) усиливались доказать, что царство выше священства. Въ официальныхъ соборныхъ дѣянїяхъ 1667 г. объ этихъ засѣданїяхъ нѣтъ и намека — онѣ были вычеркнуты государе́мъ, какъ очень непрїятныя для него, и Каптеревъ принужденъ былъ возстановить исторїю соборныхъ засѣданїй 14-17 января лишь по сочиненїю Лигарида, что онѣ и сдѣлалъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ Богов. Вѣст. за 1892 годъ подъ заглавіемъ: „Сужденїя Большаго Московскаго Собора о власти царской и патріаршей“. Иногда государь даже собственноручно вносилъ поправки въ состоявшїяся соборныя постановленїя. Такъ на постановленїи Собора 1660 г. о низложенїи Патріарха Никона съ патріаршаго престола, встрѣчается помѣтка: „правлено рукою Государя“. Эти обстоятельство, указанныя профессоромъ Каптеревымъ, лишаютъ официальные протоколы такого авторитета, чтобы считать, что все незаписанное на нихъ и не происходило. Въ дѣлѣ Никона, напротивъ, полученныя изъ другихъ источниковъ свѣдѣнїя о происходившемъ даютъ основанїя думать, что именно пропущенное и было непрїятно упоминать правительству и потому не попало въ Соборныя дѣянїя. Такъ случилось относительно засѣданїя, въ которомъ были возведены на Никона новыя вины во лжи и въ томъ, что онъ назвалъ всѣхъ (а не одного Лигарида) еретиками, примкнувшими къ католическому ученїю, и вмѣстѣ со старыми винами голословно были утверждены, и была прочитано безъ него его письмо съ подписью „бывшїй Патріархъ“. Обсужденїе вопроса о прїобщенїи къ еретичеству началось еще въ присутствїи Никона.

Что происходило въ залѣ засѣданїя 3-го или 4-го Декабря, на которомъ не было Никона?

Въ предшествующемъ засѣданїи была прочитана выдержка изъ перехваченнаго письма Никона къ Патріарху Дїонисїю: „царское величество поставилъ свое повелѣнїе надъ священнымъ чиномъ, чтобы не принимали отъ Никона благословенїя, велѣлъ быть Собору, и на томъ Соборѣ благословенїемъ Газскаго митрополита Паисїя назначили Крутицкаго митрополита Питирима въ Новгородъ митрополитомъ, поправши Божїй законъ, а на его мѣсто поставили митрополитомъ Чудовскаго архіепископа Павла и другихъ епископовъ къ инымъ епархїямъ и далѣе: отъ сего незаконнаго Собора престало на

Руси соединеніе съ Святой восточной Церковью и отъ благословенія вашего отлучились, но отъ Римскихъ костеловъ начатокъ приняли свой".

(Гюб. II XIV глава).

Царь сказалъ тогда: „Такія великія укоризны и неправды бывшій Патріархъ Никонъ затѣялъ, забывъ страхъ Божій, и писалъ ложно, будто въ Московскомъ государствѣ престало соединеніе съ восточной Церковью, и тѣмъ письмомъ своимъ Никонъ соборную Церковь обезчестилъ, меня и весь освященный Соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія святыхъ вселенскихъ Патріарховъ отчель и причель къ римскимъ костеламъ и католической вѣрѣ; укорялъ Газскаго митрополита, назвалъ всѣхъ еретиками. Если бы это затѣйливое и ложное Никоновское письмо дошло до Царьградскаго Патріарха, тогда бы всѣмъ православнымъ христіанамъ пришлось быть подъ клятвой; оно пронеслось бы по многимъ мѣстамъ, и многихъ людей привело бы къ сомнѣнію, и за то должно всѣмъ стоять и умирать и отъ того очиститься такъ, какъ и въ прежнее время за благочестивую вѣру умирали." Къ царскому голосу присоединились митрополиты и патріархи, весь освященный Соборъ, бояре и думные люди, и били челомъ патріархамъ, чтобы допросить Никона — для чего онъ такъ писалъ и всѣхъ называлъ еретиками. Никонъ отвѣтилъ патріархамъ, что объ отлученіи отъ вселенскихъ патріарховъ написалъ потому, что Газскій митрополитъ нашего Питирима изъ его митрополіи перевелъ въ другую, а на его мѣсто поставилъ другого митрополита и другихъ архіереевъ изъ одного мѣста въ другое, а Паисію этого дѣлать не довелось; онъ Іерусалимскимъ Патріархомъ отлученъ и проклятъ, а хотя бы Газскій митрополитъ и не еретикъ былъ, ему на Москвѣ долго оставаться не для чего, я его за митрополита не почитаю, у него и ставленной грамоты нѣтъ, и мужикъ надѣнетъ на себя мантию, и онъ такой же митрополитъ; а писалъ я все то про Газскаго митрополита, а не о православныхъ христіанахъ. Я писалъ все это, говоритъ Никонъ, въ отношеніи Лигарида, (т. е. относительно начатка полученнаго отъ него, а не о православномъ народѣ, который мало что вѣдалъ или просто ничего о томъ, что дѣлалось въ царскомъ совѣтѣ или царскихъ соборахъ). Въ силу апостольскихъ правилъ 10, 11 одна молитва съ отлученнымъ и низверженнымъ повергаетъ тому же наказанію. „Аще кто съ отлученнымъ отъ общей Церкви помолится, хотя бы то было въ домѣ, та-

кой да будетъ отлучень". 11 Апостольское правило: „Аще кто принадлежа къ клиру съ изверженнымъ отъ клира молиться будетъ, да будетъ извержень и самъ".

Но враги Никона ухватились за слова Никона и со всѣхъ сторонъ кричали: „Онъ всѣхъ насъ назвалъ еретиками, должно объ этомъ сдѣлать рѣшеніе по канонамъ. „И Никонъ, повернувшись къ Царю, сказалъ: „Если бы ты Бога боялся, ты бы такъ со мной не поступилъ. Никонъ, замѣчаетъ Пальмеръ, повидимому, въ этотъ моментъ понялъ вполне, зачѣмъ читалось его письмо къ Патріарху Діонисію; побужденіемъ къ этому служило сорвать успѣхъ отъ ловкаго, но безчестнаго пользованія имъ, внушеннаго Лигаридомъ. Еще въ самомъ началѣ чтенія письма Никонъ заявилъ Царю, что оно было написано частнымъ образомъ въ духовномъ порядкѣ Константинопольскому Патріарху, какъ будущему судѣ, отъ котораго онъ искалъ справедливаго и безпристрастнаго сужденія на свободномъ Соборѣ, а приказать читать его публично со стороны Царя значило Царю на самого себя навлекать публичныя обвиненія, чего Никонъ не дѣлалъ. Никонъ сказалъ Царю:

„Не азъ, о Царю... зазоръ тебѣ таковой нанесохъ, но ты самъ вящше вся сія на себе нанесъ еси, азъ бо писахъ къ брату своему Господину Діонисію духовнѣ и тайнѣ, ты же вся твоя дѣянія обличилъ еси, не токмо твоя державы сущимъ всѣмъ, но и отъ конецъ земли собраннымъ тобою, многимъ сіе все явилъ еси: сего ради твое на тя обличеніе вящше быть неже отъ мене, единому токмо ему же и достоить се вѣдати возвѣщенное" (Шушеринъ стр. 118. Изд. 1817 года).

Слѣдующее засѣданіе безъ Никона началось прямо съ рѣчи государя, гдѣ онъ опять сказалъ, что „бывшій Патріархъ Никонъ въ своемъ письмѣ меня, весь освященный Соборъ и всего моего царства людей назвалъ еретиками, будто мы обратились къ Римскому костелу, а Святая Церковь наша имѣетъ въ себѣ Спасителя нашего и Бога многоцѣнную ризу и Святыя мощи святителей Московскихъ чудотворцевъ, и мы вѣруемъ истинно по преданію Святыхъ Апостолъ и Святыхъ отецъ, и потому должны за православную вѣру и за Святыя Божіи Церкви умирать. И вы бы, Святыя патріархи, на эту жалобу учинили судъ, какъ прежніе патріархи разсуждали и судъ творили прежнимъ благочестивымъ греческимъ царямъ, и меня и освященный Соборъ, синклитъ и всѣхъ православныхъ христіанъ нашего Россійскаго царства отъ того Никонова названія очистили бы". Сказавъ рѣчь, Царь поклонился патріархамъ, а освященный Соборъ,

синклить и всѣ присутствующіе поклонились до земли. Патріархи заявили, что Никонъ въ письмѣ своемъ написалъ — то дѣло великое, и за него надобно стоять крѣпко; когда онъ тебя великаго Государя, весь освященный Соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ назваль еретиками, тогда онъ и насъ назваль еретиками, какъ будто мы пришли еретиковъ разсуждать". Когда 5 декабря въ числѣ винъ было прочитано Никону и то, что онъ назваль всѣхъ еретиками, онъ заявилъ: „О названіи еретиками сказана ложь, того я не говорилъ".

Прочтеніе этого отрывка письма было совершено, чтобы возбудить всѣхъ противъ Никона, но въ суть его сообщенія Константинопольскому Патріарху никто на судѣ не вникалъ. **Нужно было выставить Никона, какъ архипастыря позорящаго и поносящаго свое стадо, къ которому ни примиреніе, ни снисхожденіе не допустимы.** И патріархи по сообщенію Лигарида (III, 176) сказали: „Никонъ, который несправедливо и абсурдно клевететь на свое стадо и пишетъ ложно, что всѣ отъ мала до велика обратились къ ученію Папы Римскаго, не есть истинный пастырь, входящій черезъ дверь, но показалъ себя наемникомъ и разбойникомъ, вкрадывающимся для разрушенія стада. Поэтому онъ подлежитъ низверженію". (Въ скобкахъ у Лигарида среди этой фразы значитъ, что Никонъ самъ искалъ суда Римскаго Папы, а не насъ вселенскихъ патріарховъ). **Но Никонъ обвинялъ Царя, бояръ и духовенство вовсе не въ прикосновеніи къ латинскому ученію, а совершенно ясно только въ латинизаціи, поскольку они прибѣгли къ благословенію и инициативѣ Лигарида, т. е. къ его миссіи, посланничеству и юрисдикціи, слѣдовательно не абсолютно, а постольку, поскольку это соотвѣтствовало ихъ дѣйствіямъ. Но его слова нарочно были перетолкованы такъ, какъ если бы онъ дѣйствительно обвинялъ и Царя, и синклить, и всю русскую Церковь въ пріобщеніи къ католическому ученію.** А то, что Никонъ написалъ въ отношеніи принятія юрисдикціи Лигарида, было вѣрно.

Отношеніе Лигарида къ католичеству во время дѣла Никона.

Независимо отъ извѣстнаго намъ прошлаго Лигарида и его „Исторіи Іерусалимскихъ патріарховъ", анаѳематствованной въ 1668 г., Лигаридъ находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ католическимъ церковнымъ міромъ; независимо отъ его католическаго образованія, вѣдь, онъ пріѣхалъ изъ Польши, гдѣ только что самъ совершалъ католическія мессы. Вскорѣ послѣ суда надъ Никономъ онъ

получалъ письма изъ Польши не только отъ Доминиканцевъ по внушенію Папскаго Нунція, но и отъ самага короля Іоанна Казимира, поощрявшаго Лигарида въ работѣ по соединенію Церквей, какъ будто онъ призванъ былъ служить Римской Церкви въ Москвѣ; и самъ онъ писалъ одному Доминиканскому отцу съ просьбой черезъ Нунція воздѣйствовать чтобы ему „Пропаганда вѣры“, высылала его ежегодную пенсію въ 200 дукатовъ.

Пальмеръ приводитъ (V, 741 и 742) письмо Папскаго Нунція въ Польшѣ отъ Іюля 1668 г. къ кардиналу Роспильози о томъ, что онъ намѣренъ сдѣлать что либо для поощренія митрополита Газскаго, который все болѣе и болѣе почитается ими всѣми за дѣланіе столь святаго дѣла, и которому онъ заставилъ написать доминиканца о. Ширецкаго, хорошо знавшаго Лигарида. Копія письма о. Ширецкаго при семь была приложена для посылки кардиналу Роспильози. О. Ширецкій сообщалъ Лигариду, какъ онъ говорилъ Нунцію объ усердіи Лигарида въ работѣ за истинную вѣру въ Москвѣ, за святое соединеніе греческой Церкви съ католической. А Лигаридъ отъ 25 сентября 1668 г. писалъ ему въ отвѣтъ, что желаемое дѣло (унія) неосуществимо: „никто здѣсь не слушаетъ на такія темы. Я самъ, единственное лицо, которое могъ бы проводить это дѣло, **и который воспламененъ самымъ горячимъ усердіемъ видѣть успѣхъ его...** подавленъ несчастьями, преслѣдуемъ заговорами, окруженъ клеветами. Патріархъ Іерусалимскій Нектарій прислалъ плохое сообщеніе обо мнѣ, что я поклонникъ Папы, какъ продавшійся ему и имѣющій ежегодную пенсію въ 200 золотыхъ дукатовъ, какъ клирикъ римской Церкви, чѣмъ я и не былъ бы огорченъ, если бы дѣйствительно ихъ получалъ, но я не имѣю ни одного пенса и имѣю только титулъ безъ содержанія. Пусть святая Пропаганда разсмотритъ внимательно этотъ пунктъ и опредѣлитъ, что вдохновитъ ее Святой Духъ черезъ милость и благодать Нунція, котораго я прошу повліять въ этомъ дѣлѣ, помня что Патріархъ Московскій Іоасафъ II сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы лишить меня всякаго мѣста въ рангахъ духовенства, выталкивая меня и **отсѣкая всякую нить моей надежды быть выбраннымъ въ патріархи.** Прошу тебя, какъ отца, не оставить ни одного камня не перевернутымъ, чтобы сдѣлать что либо для меня". При этомъ посылаются привѣтствія Польскому примасу архіепископу Николаю. (Пал. V, 741). Это письмо какъ бы вскрываетъ намѣреніе Лигарида стать Московскимъ Патріархомъ и проводить унію, подобно митрополиту Исидору въ XV вѣкѣ. Это письмо

Лигарида было опубликовано Theiner'омъ въ Ватиканской прессѣ въ 1859 году въ Римѣ въ сборникѣ, озаглавленномъ „Monuments historiques relatifs au règne d'Alexis Michailovitch" и взятомъ изъ отдѣла Nunziatura de Polonia. Оно чрезвычайно важно, ибо проливаетъ свѣтъ на истинныя побужденія Лигарида въ дѣлѣ Никона. Помимо тѣхъ его обогащеній, на которыя указалъ Каптеревъ, какъ на истинную цѣль Лигарида, объясняющую его позицію въ дѣлѣ Никона, оказывается, что онъ стремился самъ занять его мѣсто, а послѣ осужденія Никона составленіемъ исторіи его осужденія сдѣлать въ этихъ же видахъ невозможнымъ и его возвращеніе. Эта исторія — есть источникъ, которымъ питалась о Никонѣ русская историческая наука вмѣстѣ съ Каптеревымъ; именно Лигаридъ, какъ современникъ, описавшій дѣло Никона, и почитался главнымъ источникомъ для характеристики и Никоновскихъ идей и его личности.

Никонъ, отсутствуя при обвиненіяхъ его въ опозореніи Царя и своего стада, лишенъ былъ возможности точно опредѣлить свое обличеніе за приобщеніе къ Лигариду.

Если бы Никонъ присутствовалъ при этихъ обвиненіяхъ, онъ не оставилъ бы ихъ безъ отвѣта. Побудившіе Царя публично читать письмо Никона хотѣли создать такое положеніе (какъ если бы не они и царь предали гласности его письмо), чтобы Никонъ подпаль въ глазахъ судей подъ канонъ, осуждающій всѣхъ, кто несправедливо оскорбляетъ Царя или кто, найдя пасквиль на Царя, вмѣсто его уничтоженія, его читаетъ, и подъ канонъ, осуждающій епископа, позорящаго свое стадо. Никонъ такимъ образомъ предсталъ бы передъ судомъ, какъ преступникъ, и судьи пришли бы къ тому заключенію, что такія лица подлежатъ низверженію и даже смерти. Лигаридъ напоминалъ, что Никонъ сравнивалъ Царя съ Иероваамомъ и Озіей и называлъ дѣлателемъ нечестія, нарушителемъ правъ Церкви, ея разрушителемъ, а всѣхъ бояръ называлъ отпавшими къ ученію Папы ради Газскаго митрополита паписта, котораго онъ называлъ великимъ еретикомъ. Официальный протоколъ говоритъ про Никона: „Онъ былъ пристыженъ его письмомъ, тайно присланнымъ Святымъ Патріархамъ, которое было наполнено многими несправедливостями и клеветами противъ благочестивѣйшаго Самодержца и всего православнаго царства".

Это была совершенная неправда. Никонъ не отступилъ отъ своей точки зрѣнія на Лигарида, а напротивъ смѣло отстаивалъ фактъ нечестиваго общенія со скрытымъ католикомъ, разстриженнымъ пра-

вославнымъ митрополитомъ и содомитомъ, обличеннымъ своимъ Патріархомъ.

Незаписанный въ протоколахъ инцидентъ обращенія Царя къ боярамъ и отвѣтъ Никона.

Не найдемъ мы въ официальныхъ протоколахъ и заявленій Никона Царю и боярамъ, о которомъ сообщаетъ и Шушеринъ (113-115 стр.) и Пальмеръ (V, 689-691). Инцидентъ произошелъ во время одной изъ остановокъ при чтеніи грамоты Никона Діонисію, проходившихъ въ обсужденіи прочитаннаго мѣста. Шушеринъ пишетъ: „Прочитаху же оную грамоту не всю порядно, но иже угодно имъ, то назнаменовавше прежде и читаху“. Прочли о жалобѣ Никона на заточеніе его доброжелателей, одинъ изъ которыхъ, повидимому, перешелъ на сторону Царя (митрополитъ Аѳанасій Иконійскій) и оказался среди судей; его показалъ Никону Царь. Шушеринъ передаетъ, что обвинителями Никона выступили митрополиты Павелъ, Иларіонъ и Меѳодій, которые „яко звѣріе дивіи обскачуще блаженнаго Никона, рыкающе, и вопіюще нелѣпыми гласы и безчинно всячески кричаху лающе, протчіи же отъ архіереевъ и отъ освященнаго чина никтоже ничто глаголюще, но вси стояху на своихъ мѣстахъ по степенямъ своимъ, такожде и царскій синклитъ. Бояре и вси сановники на друзѣй странѣ стояху по чину ничтоже вѣщающе. Видѣвъ же сіе Царь яко кромѣ оныхъ трехъ мужей никто ему не вспомошествоуетъ, возопи гласомъ велиемъ и рече сице: „Бояре, бояре, что вы молчите и ничего не вѣщаете, и меня выдаете, или азъ вамъ ненадобенъ“. Никто не рѣшался выступить, „только одинъ бояринъ князь Юрій Долгорукій, той убо угождалъ Царю нѣкая мала словеса поборствующа по Царѣ испусти, Святѣйшаго же Никона Патріарха всячески уничижи. Видѣвъ же сіе Царь яко ото всѣхъ во всемъ мало себѣ помощи обрѣтаетъ, вельми скорбенъ бысть. Рече же ему Святѣйшій Патріархъ: „о Царю. Сихъ всѣхъ предстоящихъ тебѣ и собранныхъ на сію сонмищу, 9 лѣтъ всячески вразумлялъ еси и училъ и на день сей уготовлялъ, яко да на насъ возглаголятъ, но се что бысть не токмо что глаголати умѣяху, но ниже устъ отверзити можаху, не вскую ли поучашеся тщетнымъ: но азъ, о Царю! Совѣтъ ти даю, аще повелиши симъ на насъ вергнути каменіе, то сіе они абіе вскорѣ сотворятъ, а ежели оглаголати насъ, аще и еще 9 лѣтъ имати учиши, и тогда едва обрящещи что“. Царь обратился къ Епископу Лазарю Барановичу и сказалъ: „Лазаре, что ты молчиши и ничего не глаголеши и почто ты мене выдаеши въ семь дѣлѣ? Азъ бо на тебѣ во всемъ надѣялся.“ Ла-

зарь выступилъ изъ среды и сказалъ; „О, благочестивый Царю! Какъ имамъ праву оглаголовати или противитися", и сія изрекъ паки ста на мѣсто свое. (116 стр. у Шушерина, — у Пальмера V, 690). Передъ засѣданіемъ онъ обѣщаль Царю, что, если найдетъ какое преступленіе за Никономъ, то молчать не будетъ.

Сцена между Никономъ и Царемъ.

Вслѣдъ за симъ разговоромъ произошла сцена трогательной бесѣды у Царя съ Никономъ, также не попавшая въ официальные протоколы. Она описана и у Шушерина, и у Пальмера „Мало же часу минувшу, въ размышленіе пришедъ Царь, и ставъ у престола своего и положи руку свою на устѣхъ своихъ молча одинъ часъ, таже по семь прииде близъ ко Святѣйшему Патріарху Никону и пріялъ у него держимую лѣствицу пребирая, рече ему тихими глаголы, яко никому же слышати, токмо близъ сущимъ монахомъ сице: „о святѣйшій Патріарше, что яко сотворилъ еси сію вещь, полагая ми зазоръ великій и безчествуйа мя". Никонъ же рече: „како". Царь же рече: „внегда ты поѣхаль еси изъ обители своея сѣмо, тогда ты первое постился и исповѣдался и елеосвященіемъ освятися такожде и святую литургію служилъ, аки бы къ смерти готовился и сіе ми быть великій зазоръ". Св. Патріархъ рече: „истинно и, о Царю, яко все сотворилъ ожидая отъ тебе на ся не токмо скорбныхъ и томительныхъ наведеній, но и самая смерти". Царь же клятвами утверждался рече: „о святче Божій! не токмо мнѣ мнимое тобою се и глаголемое сотворити, но и мыслити не можно за твоя многая и неисчетная къ дому моему и къ Царицѣ и къ чадамъ моимъ благодѣянія во время смертносныхъ язвы, въ лѣта 162 и 163 годахъ, и внегда сущу ми во отшествіи на брани къ Смоленску и во иныхъ сопротивныхъ градѣхъ, тогда ты елико потщася и потрудился, якоже кокошь со птенцы, съ ними преводя отъ мѣста на мѣсто, ища покоя и благораствореннаго воздуха, отъ безгодныхъ смерти, всемилостивѣйшій Богъ молитвъ ради твоихъ и такихъ дѣла трудовъ домъ весь сохранилъ, яко зѣницу ока, и за сія ли твоя бывшая благодѣянія воздати ми злая, ни, не буде ми сего ниже помыслити", и нѣкими клятвами страшнѣйшими себя заклалъ. Святѣйшій же Патріархъ Никонъ, удерживая его рукою, тихо рече: „Благочестивый Царь, не возлагай на себя такихъ клятвъ, вѣру же ми ими, яко имашь нанести на мя вся злая, и бѣды и скорби отъ тебе готовятся на мя зѣло люты", прирече къ сему и отъ Божественныхъ Писаній". Это былъ послѣдній ихъ интимный разговоръ въ

жизни, который закончился словами Никона въ отвѣтъ на мирныя завѣренія Царя: „Добро и блаженно избралъ еси аще совершити (миръ), но вѣдай буди, — яко не имать отъ тебе сіе совершиться, зане гнѣвъ твой, начатый на насъ, хоцетъ конецъ пріяти". Послѣ чего продолжалось чтеніе грамоты.

Основная идея боярства въ борьбѣ противъ Никона.

Разговоръ этотъ показателенъ въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ, какъ и все послѣдующее отношеніе Царя къ Никону съ постоянными посылками подарковъ и испрашиваніемъ прощенія вплоть до смертнаго одра, **что не въ Царѣ былъ корень злобы противъ Никона, но что, окруженный боярами, стоящими во главѣ правленія, враждебными Никону, и не прощавшими Царю и Никону вліянія послѣдняго, Царь былъ безсиленъ по своей слабохарактерности выступить за Никона;** чтобы ему выступить съ силой Грознаго Царя, надо было нераздѣльное содѣйствіе Никона, восполнявшаго его недостатка, какъ правителя, но этого то, то есть возсоединенія Царя съ Никономъ и нельзя было допустить боярамъ: въ этомъ была вся ихъ идея борьбы противъ Никона, если только можно назвать идеей тупое стремленіе поддержать во что бы то ни стало свое аспирируемое положеніе прирожденныхъ совѣтниковъ Царя; свое паденіе имъ удалось впрочемъ отстрочить не надолго, ибо паденіе Боярской Думы или ея незамѣтная смерть и замѣна Сенатомъ изъ людей заслуги, а не породы, была политической смертью боярства.

Въ чемъ обвиняли на судѣ Никона? Отсутствіе обвиненія его на судѣ въ вохищеніи свѣтской власти.

Упомянувъ о важныхъ пропускахъ въ официальныхъ протоколахъ, которые пропущены и писателями, нерасположенными къ Никону и продолжающими отношеніе къ нему боярства и Лигарида (Соловьевъ и Каптеревъ), мы должны обратиться къ тому, въ чемъ обвиняли Никона и за что еще его судили, если исходить изъ того, что произошло на судѣ. Мы видѣли, что значительная и первая по порядку часть вопросовъ въ свиткахъ была посвящена вопросамъ о соотношеніяхъ гражданской и церковной власти. Но не только не было произнесено ни одного слова обвиненія въ этомъ на Никона, но даже при Никонѣ и не читались эти главы, благопріятствовавшія утвержденію государственнаго верховенства и косвенно обвинявшія Никона въ его оспариваніи. **Дѣло на судѣ происходило такъ, какъ**

будто этих обвинений вовсе не существовало. Сдѣлано это было, можетъ, и потому, что дѣйствительно Никонъ касался государственныхъ дѣлъ только лишь постольку, поскольку самъ Царь привлекалъ его къ положенію совѣтника, а въ его отсутствіе и къ положенію государственнаго регента; въ силу же патріаршаго положенія, онъ выступалъ въ качествѣ печаловника за несправедливо обиженныхъ и притѣсняемыхъ, что было обычаемъ государственной жизни Московской эпохи.

Соборъ неоднократно возвращается къ вопросу объ уходѣ Никона 1658 г. но не изслѣдуетъ этого вопроса.

Съ самаго начала суда говорилось объ отшествіи Никона, и въ каждомъ засѣданіи къ этому возвращались; кромѣ того, читалась въ выдержкахъ, интересныхъ для правительства, грамота Никона къ Константинопольскому Патріарху и попутно происходили вопросы Никону, на которые онъ отвѣчалъ съ своей обычной прямолинейностью, но характерно то, что ни одинъ вопросъ, даже главный вопросъ объ оставленіи кафедры, не былъ углубленъ до возможности освѣтить его всесторонне на судѣ. Когда Никона спросили съ самаго начала по предложенію Царя, отчего онъ ушелъ, онъ заявилъ, что отъ царскаго гнѣва. Но Соборъ не изслѣдовалъ его ухода, не пересматривалъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ въ 1660 г., не разсматривалъ всего того, что было сдѣлано для изслѣдованія этого на Соборахъ 1660 г. и 1666 г., ни соборныхъ постановленій 1660 г., ни проекта Никоновскихъ предложеній объ отреченіи, сдѣланныхъ въ началѣ 1665 г., ни соборныхъ контръ-проектовъ, сдѣланныхъ въ отвѣтъ на нихъ весной 1666 г.; не разсматривался и главный вопросъ, который требовалъ разъясненія при дѣйствительно правдивомъ отношеніи къ дѣлу, — причина царскаго гнѣва, и суть разногласія между Никономъ и Царемъ, приведшаго къ его уходу; всякій намекъ на это избѣгался, судя по протоколамъ. Пальмеръ предполагаетъ только, что Никонъ больше сказалъ объ этомъ, чѣмъ врагамъ его угодно было занести въ протоколь, ибо Шушеринъ говоритъ, что Никонъ смѣло и ясно пояснилъ, какъ и почему онъ ушелъ изъ Москвы и за что онъ наложилъ анаѣмы. (Стр. 109).

Составъ участниковъ суда надъ Никономъ.

На судѣ надъ Никономъ присутствовала вся Русская Церковь въ лицѣ своихъ высшихъ представителей. Официальный протоколь упоминаетъ 28 епископовъ, изъ нихъ было 2 Патріарха,

11 иностранных во главѣ съ Паисіемъ Лигаридомъ, пришедшихъ по своему дѣлу для милостыни, а не въ силу каноническаго призыва на Соборъ, правильно переданнаго черезъ мѣстныхъ Патріарховъ; иные изъ нихъ были привлечены не каноническимъ призывомъ, а медоточивыми рѣчами Мелетія для своей цѣли въ угоду Царю и боярамъ; было затѣмъ 6 епископовъ русскихъ, получившихъ свое посвященіе (кромѣ Питирима) и поставленіе черезъ Паисія Лигарида послѣ ухода Никона, 8 епископовъ Никоновскаго посвященія и Лазарь Барановичъ, перешедшій самъ изъ подчиненія Константинопольскому Патріарху въ Кіевской митрополіи въ подчиненіе Московскому Патріарху. Изъ епископовъ Никоновскаго поставленія 4 были явно враждебны Никону (**Іоасафъ** Астраханскій, участвовавшій въ слѣдствіи 1663 г. **Іосафъ** Тверской, равнявшій свои показанія въ 1660 г. по Питириму, **Илларіонъ** Рязанскій, недовольный тѣмъ, что въ 1652 г. его отецъ, — митрополитъ Антоній, б. старецъ Ананія, къ которому пришелъ 12 лѣтній Никонъ въ Желтоводскій монастырь, — отказался отъ патріаршества для Никона, и **Александръ Вятскій** недовольный за переводъ съ Коломенской Епархіи). Лишь два Епископа были благосклонны къ Никону: **Симонъ Вологодскій** и **Лазарь Черниговскій**. Судъ происходилъ якобы съ согласія правящаго Константинопольскаго Патріарха, т. е. Парѣенія, но это была ложь, ибо онъ участвовалъ въ низложеніи обоихъ Патріарховъ именно за ихъ поѣздку въ Москву. Эта ложь была совершена патріархами съ самага начала, когда Никонъ спросилъ, имѣютъ ли они полномочія его судить, а патріархи показали на свитки, какъ на свои полномочія, не имѣвшіе, какъ мы знаемъ, никакого отношенія къ полномочіямъ патріарховъ; даже подписи Патріарха Парѣенія не было подъ каноническимъ разсужденіемъ свитковъ. Составъ суда, въ которомъ было 11 иностранныхъ Епископовъ, обязанныхъ Московскому правительству, и включалъ въ себя митрополита Новгородскаго Питирима, митрополита Крутицкаго Павла, которыхъ Никонъ, хотя безрезультатно, отводилъ, какъ причастныхъ къ дѣлу объ его отравленіи — кромѣ упомянутыхъ четырехъ враговъ, обезпечивалъ обвинительный приговоръ. Изъ духовныхъ присутствовали еще 29 архимандритовъ, 10 монаховъ и протопоповъ. Изъ главныхъ бояръ, присутствовавшихъ на судѣ Лигаридъ упоминаетъ Никиту Ивановича Одоевскаго, Григорія Черкаскаго, Юрія А. Долгорукаго, Ивана Прозоровскаго (начальника Малороссійскаго Приказа П. V пр. 216), боярина Петра Салтыкова, окольничьяго Родіона Стрешнева (Семень Лукьяновичъ

Стрешневъ уже умеръ въ 1666 г., кн. А. Н. Трубецкой — въ 1663 г., Б. И. Морозовъ въ 1661 г. (П. II, 402).

Обстановка суда.

Судъ былъ обставленъ очень торжественно; около царскаго трона, стоящаго на высококомъ мѣстѣ, стояло два кресла для патріарховъ и передъ ними столъ, на которомъ лежали свитки; по бокамъ съ одной стороны сидѣли духовныя власти, съ другой — бояре. За Никономъ отправилась депутація въ лицѣ Епископа Меѳодія и двухъ архимандритовъ съ приказомъ идти скромно безъ креста и Евангелія. Рѣшено было, чтобы Никонъ сначала сидѣлъ, а потомъ стоялъ, а сидѣть по правую сторону отъ Царя; при его входѣ не должны были вставать. Посланный архимандритъ Юсифъ вернулся и сказалъ что Никонъ категорически отказывается идти безъ креста, и ему разрѣшили идти съ преднесеніемъ креста. Когда онъ вошелъ, всѣ встали; Никонъ, вставъ у царскаго мѣста, читалъ входную молитву о здравіи государя и его семейства, о Св. Патріархахъ и всѣхъ христіанахъ. Въ это время Царь и всѣ стояли. Потомъ Никонъ трижды въ землю поклонился Царю и дважды Патріархамъ, а затѣмъ по обѣ стороны архіереямъ и боярамъ. Онъ вошелъ, какъ Патріархъ, и всѣ съ этимъ примирились. Ему предложили сѣсть. Но онъ сказалъ: „мѣста, гдѣ бы мнѣ сидѣть, я здѣсь для себя не вижу, а съ собой не принесъ. Я пришелъ узнать, для чего меня звали“.

Рѣчь Царя и вопросъ Никона о полномочіяхъ отъ Константинопольскаго Патріарха. Обманъ Патріарховъ по отношенію къ Никону.

Тогда Царь сошелъ съ своего мѣста и сталъ у края стола. Такъ же, какъ и иконъ, онъ все время стоялъ. Царь изложилъ свою точку зрѣнія, сказавъ: „Отъ начала Московскаго государства ни отъ кого не было такого безчестія, какое учинилъ бывший Патріархъ Никонъ; для своей прихоти, самовольно безъ нашего повелѣнія и безъ Соборнаго совѣта, Соборную Церковь оставилъ и патріаршества отрекся безъ всякой причины, никѣмъ не гонимъ, и отъ того учинились многія смуты и мятежи, а Соборная Церковь вдовствуетъ безъ Патріарха 9-й годъ. Допросите его, святые Патріархи, для чего онъ престоль свой оставилъ и ушелъ въ Воскресенскій монастырь"... Но Никонъ на вопросъ Патріарховъ сказалъ: „Я хиротонисанъ отъ Константинопольскаго Патріарха; есть ли у васъ совѣтъ и согласіе съ вселенскими Патріархами Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ, „чтобы меня

судить? Если есть, я готовъ дать вамъ отвѣтъ", и Патріархи сказали: „да, есть" и указали на свитки.

Допросъ Никона объ его уходѣ въ 1658 г.

Послѣ этого начался допросъ. Сначала Никонъ сообщилъ, что уходъ въ 1658 г. былъ побить его домовый человѣкъ, и не было дано ему обороны Царемъ, потомъ Царь пересталъ въ Церковь ходить на его богослуженія, рассказалъ о присылкѣ боярина Ромодановскаго съ повелѣніемъ не писаться великимъ Государемъ, что онъ дѣлалъ раньше по повелѣнію Царя.

Что Никонъ не имѣлъ пристрастія къ этому титулу показываетъ и то, что онъ далеко не всегда именовалъ себя имъ, а иногда просто Государемъ. Такъ въ грамотѣ 27 марта 1658 г. игумену Полоцкаго Богоявленскаго монастыря Игнатію о непосредственной зависимости его отъ Москвы, Патріархъ Никонъ величаетъ себя: „Божіей милостію архіепископъ Царствующаго града Москвы великій господинъ и Государь". А въ другомъ мѣстѣ: „Мы, великій господинъ и Государь Святѣйшій Никонъ Архіепископъ царствующаго града Москвы и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и всея сѣверныя страны и поморія и многихъ государствъ Патріархъ". (Бѣлорусскій Архивъ стр. 110).

На это Царь сказалъ, что не ходилъ въ Церковь за недосугомъ, что безчестіе домовому человѣку на Никона не переходитъ, что называлъ онъ великимъ Государемъ Никона ради почитанія, о гнѣвѣ не поручалъ говорить. Родіонъ Стрешневъ сообщилъ, что, когда онъ съ Трубецкимъ былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, то Никонъ сказалъ, что онъ впредь не хочетъ быть Патріархомъ, что, когда его избрали Патріархомъ, то онъ положилъ клятву быть Патріархомъ только три года. Никонъ: „Я такъ не говорилъ", и затѣмъ произошелъ діалогъ, выяснившій всю клевету объ уходѣ Никона, которая утверждалась боярами и которая была составлена ими на основаніи произвольнаго сочетанія и сопоставленія разновременныхъ словъ и дѣйствій Никона въ Успенскомъ Соборѣ 10 іюля 1658 года, сказаннымъ имъ въ другомъ смыслѣ. Патріархи: „какія обиды тебѣ были отъ великаго Государя?" Никонъ: „Обидь никакихъ не было, но какъ великій государь сталъ гнѣвенъ и пересталъ ходить въ Церковь, поэтому я и патріаршество оставилъ". Патріархи спрашиваютъ архіереевъ, и они отвѣчаютъ, что Патріарху Никону отъ великаго государя никакихъ обидъ не было. Никонъ: „Я объ обидѣ не говорю, а говорю о госуда-

ревомъ гнѣвъ; не я одинъ, а и прежніе Патріархи, какъ Аѳанасій Александрійскій и Григорій Богословъ — также бѣгали отъ царскаго гнѣва". Патріархи: „Другіе Патріархи оставляли престоль, да не такъ какъ ты: ты отрекся и сказалъ, что впредь не будешь Патріархомъ, а если будешь Патріархомъ, анаѳема будешь."

Никонъ: „Я такъ не говорилъ, а говорилъ, что за недостойнство свое иду, а если бы я отрекся отъ Патріаршества съ клятвой, то не взялъ бы съ собой и святительской одежды".

Патріархи: „Когда посвящаютъ, говорятъ: „достоинъ", а ты, Никонъ, какъ снималъ съ себя святительскія одежды, говорилъ: „не достоинъ".

Никонъ: „Это на меня затѣяли". Затѣмъ стали читать Никоновскую грамоту къ Константинопольскому Патріарху Діонисию, перехваченную съ пути, и попутно предлагать Никону вопросы.

Когда читали въ грамотѣ то мѣсто, гдѣ онъ объяснялъ свой уходъ, ему опять повторили обвиненіе въ уходѣ, но Никонъ опять повторилъ, что великій государь пересталъ ходить въ Церковь на патріаршія служенія, и это онъ принялъ за немилость къ себѣ; съ патріаршества онъ сошелъ собою, а не по царскому приказу, патріаршества не отрекался; о государевомъ гнѣвѣ объявилъ небу и землѣ и, уходя съ Москвы, кромѣ саккоса и митры ничего не взялъ съ собой. Когда Патріархи сказали: „если бы былъ на тебѣ государевъ гнѣвъ, то объ этомъ тебѣ бы слѣдовало посовѣтоваться съ архіереями и къ великому Государю посылать ходатаевъ бить челомъ о прощениі, а не сердиться", „Никонъ отвѣтилъ: „Я для того и не совѣтовался съ архіереями, чтобы государя на гнѣвъ не привести". Но **архіереи** и **бояре** на вопросъ объ обидахъ Царя Никону говорили: „Отъ великаго государя Никону никакой обиды не было", „пошелъ онъ съ престола не съ обиды, а съ сердца и отрицался съ клятвой: снимая панагію говорилъ: если и помыслю быть Патріархомъ, да буду анаѳема". Объ уходѣ Никона опять говорили въ засѣданіи въ его отсутствіе, причемъ Царь показалъ Патріархамъ письма Никона; изъ нихъ въ одномъ онъ назвался бывшимъ Патріархомъ (мы знаемъ въ какомъ смыслѣ Никонъ такъ писалъ, именно, что Царь его не почитаетъ, какъ надо почитать Патріарха, къ которому обязанъ послушаніемъ въ церковныхъ дѣлахъ), а въ другомъ, гдѣ Никонъ протестовалъ противъ дѣйствій митрополита Питирима въ недѣлю Ваій, онъ подписался Патріархомъ. Патріархи объявили, что по царскимъ книгамъ, кто трижды объявился во лжи (это было въ

отсутствіе Никона), тому вѣрить нельзя; потому не будутъ вѣрить Никону ни въ чемъ.

Когда Никону поставили, въ отвѣтъ на его обвиненіе въ поставленіи Меѳодія въ области Константинопольскаго Патріарха, на видъ неканоничность назначенія имъ епископа въ Полоцкъ, который не входилъ въ Московскій Патріархатъ, то Никонъ отвѣтилъ, что тамъ не было вовсе епископа, ибо епархія была уніатская. Поэтому митрополитъ Макарій напрасно повторилъ упрекъ Никону въ своемъ XII томѣ, что онъ ставилъ епископа въ чужой епархіи. Никонъ указывалъ на отсутствіе православной епархіи.

Заочное обвиненіе Никона въ лжи и въ оскорбленіи Царя черезъ обличеніе въ пріобщеніи къ католическому ученію.

Затѣмъ, соединивъ обвиненіе въ отреченіи съ обвиненіемъ въ оскорбленіи Никономъ всего стада, они тутъ же прибавили: „По правиламъ Святыхъ Апостоль и Святыхъ отецъ, кто кого оклеветуетъ въ какомъ-либо зломъ дѣлѣ и того дѣла не доведетъ и какое наказаніе опредѣлено виновному въ такомъ дѣлѣ, учинить тому, кто оклеветалъ; а кто на кого возведетъ еретичество и не докажетъ, тотъ клеветникъ достоинъ, если духовнаго священническаго чина, низверженія, а если мірянинъ — проклятія. А Никонъ тебя, великій Государь, весь Соборъ, синклитъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ назвалъ еретиками; то мы и будемъ на основаніи тѣхъ правилъ судить Никона, и это дѣло станемъ обсуждать прежде, потому что это дѣло великое". Въ засѣданіи 5 декабря опять нѣсколько разъ спрашивали объ отреченіи не съ цѣлью углубить дѣло, и уяснить въ чемъ былъ гнѣвъ Царя, въ чемъ было разногласіе Царя съ Никономъ, кто изъ нихъ былъ неправъ, и кто претендовалъ на недолжное, а просто для того, чтобы показать, что Никону ни въ чемъ не вѣрятъ.

Обращеніе Патріарха Паисія къ Царю о причинахъ своего прихода и его самопротиворѣчіе.

Въ этомъ засѣданіи Патріархъ Паисій обратился къ Царю съ рѣчью (совершенно противорѣчащей съ письмомъ этихъ Патріарховъ къ Константинопольскому Патріарху Парфенію, гдѣ приходъ въ Москву объяснялся нуждой въ дальнѣйшей милостыни и покровительствѣ всѣмъ Восточнымъ патріархатамъ и надеждой на пользу для греческихъ интересовъ): „Благочестивый Государь. Богъ вѣсть, что мы пришли въ царствующій градъ Москву не для какой-либо милостыни или нужды, а по твоей царской грамотѣ, что

Патріархъ Никонъ оставилъ соборную Церковь и свой патріаршій престоль, и потому Русская Церковь вдовствуетъ 9 годъ".

Возобновленіе допроса объ уходѣ Никона въ засѣданіи 5 декабря, опять безъ уясненія его основныхъ причинъ.

А обращаясь къ Никону Патріархъ Паисій сказалъ: „Ты, Патріархъ Никонъ, отрекся отъ патріаршаго престола съ клятвою и ушелъ безъ законной причины. Для чего ты это сдѣлалъ?" Никонъ: „патріаршаго престола я не отрекался, клятвы не произносилъ, а засвидѣтельствовавъ небу и землѣ и ушелъ отъ государева гнѣва. Я и теперь не отрекаюсь исполнить волю царскаго величества, куда великій Государь изволить, я туда и пойду — благое по нуждѣ не бываетъ". Патріархи: „мы слышали мнѣніе, что ты отрекся отъ патріаршества съ клятвой". Никонъ: „Это на меня затѣяли. Если я не годенъ, то я и теперь не желаю патріаршаго престола, а куда царское величество изволить, туда я и пойду".

Никонъ вовсе не утверждалъ, что хочетъ патріаршей каѳедры да никогда и не стремился занимать патріаршую каѳедру при сложившихся условіяхъ вражды противъ него, и раньше онъ писалъ Царю, что онъ не противится избранію другого Патріарха, но безъ его содѣйствія всякій, ставшій Патріархомъ, подлежитъ анаѳемѣ. Казалось бы, при отказѣ Никона возвращаться на каѳедру, когда такимъ образомъ не было никакой нужды спорить о томъ, что именно онъ сдѣлалъ, въ какомъ смыслѣ ушелъ съ престола, освободилъ ли онъ каѳедру совсѣмъ, или могъ возвратиться на нее самъ, — ибо онъ теперь то во всякомъ случаѣ ее освобождалъ, — то, казалось, надо было вспомнить о начатыхъ въ 1665 г. переговорахъ съ Никономъ объ условіяхъ этого освобожденія; но это не входило въ планы враговъ: имъ надо было отнестись къ Никону, какъ къ преступнику, чтобы освободиться отъ него навсегда; для этого надо имъ было выставить непременно самый его уходъ, какъ преступленіе, и присоединить къ нему новое обвиненіе въ оскорбленіи имъ всей паствы причисленіемъ ея къ еретичеству. Гдѣ же обвиненіе къ покушенію на царскую власть? Если бы оно было, неужели было бы умолчано объ этомъ, когда въ теченіе 8-ми лѣтъ непрерывно отыскивались и собирались обвиненія, когда всякій малѣйшій актъ Никона извращался, съ цѣлью представить его криминальнымъ, когда на самомъ судѣ пришлось для обвиненій прибѣгать къ величайшимъ натяжкамъ? Утвержденія Никона объ его уходѣ было обезсилены ссылкой на книгу Атталіота, указывающую вѣрить показаніямъ 2 или 3

свидѣтелей и его заявленіе о томъ, что показываютъ его личные враги, не было уважено; благожелательные же Никону свидѣтели на судъ не вызывались.

Никонъ заявляетъ, что судящіе его Патріархи теперь не Патріархи. Отказъ Никона отвѣчать.

Когда митрополитъ Иларіонъ заявилъ, что „ты и про святѣйшихъ Патріарховъ Паисія и Макарія говорилъ, что они не истинные Патріархи“, Никонъ сказалъ: „мнѣ о томъ достовѣрно извѣстно, что на ихъ мѣсто поставлены другіе патріархи; говорили мнѣ объ этомъ греки; нужно, чтобы великій Государь указалъ о томъ изслѣдовать, — допросить грековъ, да допросить и вселенскихъ Патріарховъ по Евангелію“: Патріархи, сердясь, стали говорить: „мы престоловъ своихъ не покинули, мы не изверженные (Патріархъ Парфеній низвергнулъ ихъ) и патріаршества не отрекались, — развѣ турки безъ насъ что учинили; если же кто и дерзнулъ наши престолы занять противъ правилъ или принужденіемъ турокъ, то тѣ не Патріархи, а прелюбодѣи. Св. Евангелію тутъ быть не для чего, архіерею не подобаетъ на Евангеліи клясться. А ты Никонъ вовсе отрекся; на тебя есть много свидѣтелей, что ты патріаршій престоль оставилъ съ клятвой (свидѣтельства эти были въ 1660 г., но въ сущности утверждали это только митрополитъ Питиримъ и князь Трубецкой), да отъ тебя и вся Москва смутилась“.

Никонъ: „свидѣтельствуюсь Богомъ, что отъ сего часа я отвѣчать передъ вами, Патріархами, не буду, пока вы не предоставите грамоты отъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго Патріарховъ.“ Никонъ очевидно почувствовалъ обманъ его относительно полномочій, не говоря по существу о той несправедливости, которая совершалась надъ нимъ. Его протесты противъ захвата Царемъ Церкви, обусловленные его обязанностью Патріарха, были приняты, какъ оскорбленіе, влекущее низверженіе.

Намѣренное искаженіе дѣйствій Никона его врагами.

Его уходъ, предпринятый въ архипастырской заботливости показать, что отношеніе къ Церкви со стороны бояръ и Царя недопустимо, былъ принятъ, какъ оставленіе обязанностей своего служенія, влекущее неспособность возвратиться на престоль по 2 кан. Соф. Собора 879 г. Его отсутствіе изъ Москвы, хотя стражи у городскихъ воротъ имѣли приказъ не впускать его въ Москву, и онъ вѣхалъ въ декабрѣ 1664 г. лишь по особому указанію Зюзина, — почиталось

какъ нерадѣніе наемника, а самый прїѣздъ какъ 1664 г. почитался, какъ насильственный захватъ престола, при одновременномъ обвиненіи въ нерадѣніи о стадѣ. Полное непониманіе или, вѣрнѣе, стараніе не понять истинное намѣреніе Никона, вслѣдствіе нежеланія допустить его въ Москву на патріаршество, а черезъ и къ Царю, отличаютъ всѣ дѣйствія его враговъ.

Чтеніе въ засѣданіи 5-го декабря патріаршихъ свитковъ (14-24 главы).

Далѣе мы нѣсколько подробнѣе воспроизведемъ засѣданіе 5 декабря по Пальмеру, такъ какъ въ русскихъ сочиненіяхъ оно вездѣ въ укороченномъ видѣ, а между тѣмъ, оно характеризуетъ способъ примѣненія канонѡвъ къ дѣлу Никона. Проф. Каптеревъ, говоря (II, 347, 348) о засѣданіи 5 декабря, говоритъ о протестѣ Никона противъ цитируемыхъ противъ него правилъ, но не объясняетъ причины этого протеста со стороны Никона, не уясняетъ, что Никонъ протестовалъ и противъ смѣшенія правилъ произвольнымъ ихъ толкованіемъ въ свиткахъ, и противъ примѣненія ихъ къ нему въ виду иной природы его ухода, чѣмъ та, которая имѣлась въ виду цитированными правилами. Последнее происходитъ потому, что природа Никоновскаго ухода не выяснена проф. Каптеревымъ; онъ также не выслушалъ Никоновскихъ объясненій, данныхъ въ его „Раззореніи“; между тѣмъ они объясняютъ все поведеніе Никона за періодъ 1658—1664 г. въ отношеніи его къ правамъ на Московскій патріаршій престолъ.

Принявъ, какъ исходный пунктъ дальнѣйшаго, свои утвержденія о винахъ Никона, судьи перешли къ чтенію 14-24 главъ свитковъ, **пропустивъ всѣ тѣ главы, которыя касались соотношеній власти свѣтской и церковной.** Сначала прочли 14 главу, въ которой установлено, что епископъ, отрекшійся отъ своей каѳедры и ушедшій въ число кающихся (кто принялъ великую схиму), не можетъ на нее вернуться, въ подтвержденіе чего цитировано въ 14 гл. свитковъ 13 пр. I—II Собора (въ дѣйствительности 12 пр. Собора 879 г.). Пальмеръ (V, -713) замѣчаетъ, что Соловьевъ отождествляетъ текстъ патріаршихъ свитковъ, читанныхъ на Соборѣ, съ канонами, смѣшивая въ одно цитаты изъ канонѡвъ по свиткамъ съ самими канонами Кормчей и греческаго Педаліона, лежавшихъ на столѣ передъ патріархами; онъ пишетъ: „патріархи приказали Амасійскому митрополиту по гречески читать **каноны** (имѣя въ виду свитки и каноны въ

томъ видѣ, какъ они приведены тамъ), а по русски митрополиту Иллариону".

Никонъ заявляетъ, что глава XV свитковъ содержитъ искаженный канонъ.

Они читали первое рѣшеніе главы XV:¹ **всякій, кто оставилъ каѳедру по своей волѣ безъ преслѣдованія, тому не должно позволять на нее возвращаться" и далѣе о покаяніи-плугѣ, отъ котораго руки не отнимаются.** (Какъ еслибы это было сказано въ 2 пр. Собора 879 г. только что цитированномъ). Тогда Никонъ, увидѣвъ, что читаются не каноны, а произвольно составленные выводы изъ нихъ, сказалъ: „это не каноны Святыхъ Апостоловъ, или Вселенскихъ, или помѣстныхъ соборовъ. Такихъ каноновъ я не принимаю и не слушаю". Патріархи: „такъ ты не принимаешь какъ каноническій, этотъ нашъ Соборъ (скорѣе этотъ свитокъ), который утвержденъ противъ тебя четырьмя патріархами?" Это была ложь, ибо свитокъ не поминалъ Никона. Никонъ сказалъ: „эти писанія не лучше старыхъ бабьихъ сказокъ, ибо приводятся поддѣльные каноны, неправильно истолкованные и комментированные. Поэтому я не принимаю ихъ. Ибо кто же говорилъ, что покаяніе есть плугъ и кто примѣнялъ евангельскій текстъ о плугѣ къ покаянію?" Когда Митрополитъ Павелъ сказалъ, что Церковь приняла эти каноны (разумѣя каноны Собора 879 г.), то Никонъ сказалъ: „ихъ нѣтъ въ русской Кормчей (т. е. нѣтъ правила или толкованія, теперь приписываемаго Кормчей); греческіе каноны (если тамъ такой текстъ есть) неправильны, или Патріархи написали свое толкованіе; и она (т. е. книга, о которой говорится, что она ихъ содержитъ) напечатана еретиками (какъ показываетъ обложка) въ Венеціи".

Никонъ вновь отрицаетъ фактъ отреченія отъ каѳедры и говоритъ о гоненіи противъ него. Въ чемъ выразился гнѣвъ Царя?

„Кромѣ того я не отрекался отъ каѳедры (т. е. безоговорочно въ смыслѣ этого канона, еще меньше принималъ великую схиму, которую теперь изволили называть плугомъ покаянія); это на меня

¹ Выдавая его за 2 прав. Собора 879 года, тогда какъ это правило говорило не объ уходѣ, а о принятіи монашескаго сана епископомъ, каковой разсматривается этимъ правиломъ, какъ отреченіе, что видно изъ самого его текста въ Кормчей: „аще который епископъ или пресвитерь, или дьяконъ восхищенъ снити во мнишескій чинъ и стати на мѣстѣ покаянія рекши постригшися, епископъ оттолѣ уже да не имать архіерейскаго сана. Мнишестіи во обѣтѣ покоренія имѣютъ словеса и ученичества, а не учительства, ни первопрестольства, ни паствити, но пасомому быти обѣщаются; сего ради якоже прежде речено есть, повелѣваемъ архіерейскаго чина и пастыремъ сущимъ къ тому уже не начальствовати, но въ пасомыхъ и кающихся страну себя свободити. Аще же кто се сотворити дерзнетъ по изъясненію и по разумѣ нынѣ изреченнаго суда, иже самъ себѣ святительскаго сана лишилъ, къ тому на первый степень не возвратися его же самѣми дѣлеси отвержеса".

затѣяли". Патріархи сказали: „наши греческіе каноны правильные". Когда Тверской **архіепископъ Юсафъ** сказалъ объ отреченіи съ клятвой, **Никонъ** назвалъ это ложью и въ четвертый разъ сказалъ, что не ищетъ возвращенія на каѳедру. И опять Никонъ повторилъ, что „если бы отрекся, не взялъ бы ризъ съ собой". **Никонъ** прибавилъ: „не только его одного гнали несправедливо; это сдѣлали и съ Златоустомъ." Затѣмъ, повернувшись къ Царю, сказалъ: „Какъ на Москвѣ была смута (1648 и 1662 г.г.), ты въ то время страха ради и самъ неправду (боярскую) свидѣтельствовалъ среди бояръ, и я устрася (твоего плѣненія этой боярской неправдой) ушелъ отъ твоего гнѣва". Такъ Никонъ свидѣтельствовалъ, въ чемъ состоялъ **гнѣвъ Царя**: не только въ нехожденіи въ Церковь и неудовлетвореніи за обиду его человека, но въ выдачѣ его боярамъ, въ предоставленіи имъ совершать свои неправды, о которыхъ Царь и самъ знаетъ по бунтамъ 1648 г. и 1662 г. **Царь** сказалъ: „Ты говоришь неподобныя слова и оскорбляешь меня", и тутъ поднялось на Никона негодование.

Послѣ читалась глава о епископѣ, который, оставивъ каѳедру, отказывается на нее вернуться, 17-ая о епископѣ, совершающемъ епископскіе акты послѣ отреченія, 18-ая о незаконномъ отсутствіи епископа и 19-ая о епископѣ, который по страсти или по нерадѣнію уходитъ и игнорируетъ пастырство надъ своимъ стадомъ, оставаясь въ своемъ діѳезѣ. Правила составлены такъ, чтобы предусмотрѣть всѣ комбинаціи, кромѣ той единственной, которая отвѣчала наличной дѣйствительности съ Никономъ, природѣ его ухода ради архипастырскаго воздѣйствія и одновременно ухода отъ злобы людей по 17 Сардикскому правилу, разрѣшающему и вернуться по окончаніи гоненія. Читались правила 20, 21 и 22 о судѣ надъ Патріархомъ и апелляціи къ Константинопольскому Патріарху.

Заявленіе Патріарховъ о своемъ апостольскомъ преемствѣ и титулахъ.

Повидимому въ связи съ чтеніемъ 22 правила объ апелляціи къ Константинопольскому Патріарху, Патріархи заявили: „мы всѣ четыре Патріарха — преемники Св. Апостоловъ. Я, прибавилъ Антиохійскій Патріархъ, преемникъ князя Апостоловъ Петра, этотъ братъ мой Александрійскій — Марка, Константинопольскій — Андрея и Іерусалимскій — Іакова, брата Господня. Поэтому, если мы что говоримъ, то отъ устъ Апостоловъ и Евангелистовъ." По Соловьеву, Александрійскій Патріархъ спросилъ: „знаешь ли ты, что Александрійскій Патріархъ — вселенскій судья?" Очевидно,

патріархи хотѣли импонировать Никону своимъ собственнымъ авторитетомъ и безъ Константинопольскаго, ссылаясь на широкіе титулы, хотя бы они и не включали въ себя особыхъ правъ юрисдикціи. Но Никонъ отвѣтилъ: „Тогда суди себя по тому же правилу, какъ и насъ. Въ Александріи и Антіохіи, какъ въ Москвѣ, нѣтъ теперь патріарховъ. Александрійскій живетъ въ Каирѣ, Антіохійскій въ Дамаскѣ, (подразумѣвается, а Московскій — въ Воскресенскомъ)". Когда читалась 23 глава о количествѣ епископовъ, судящихъ Патріарховъ, въ которой есть ссылка на Матѳея Властыря, и Патріархи сказали: „слушай св. каноны", то Никонъ сказалъ (уже по опыту съ 14 и 15 главой): „греческіе каноны (разумѣется въ видѣ цитированномъ въ свиткахъ) неправильны (если они таковы въ нашемъ Педаліонѣ); они напечатаны еретиками." Патріархи предложили Никону расписаться, что Греческій Номоканонъ еретичень.

Разсужденія о судѣ надъ Патріархомъ.

Никонъ, разумѣется, отказался сдѣлать это, ибо онъ высказывался о правилахъ въ томъ видѣ, какъ ему цитировали, и упрекъ его относился бы къ самому Номоканону только въ томъ случаѣ, еслибы оспариваемыя имъ цитаты Патріарховъ, ему читанныя, соотвѣтствовали Номоканону въ точности. Когда его спросили по существу вопроса, сколько епископовъ можетъ судить епископа и сколько Патріарха? Никонъ отвѣтилъ, что „Епископа 11, а Патріарха вся вселенная (т. е. всѣ Патріархи)". Патріархи тогда спросили Никона: „какъ же ты одинъ низложилъ неканонически еп. Павла Коломенскаго (въ 1654 г.) и сослалъ его?" **Никонъ:** „Я не моимъ собственнымъ авторитетомъ низложилъ его." Видя безконечный словесный споръ, Патріархи сказали: „мы пришли сюда не спорить съ тобой, но дать патріаршее рѣшеніе. Такъ какъ ты спрашивалъ насъ, имѣемъ ли мы полномочіе другихъ двухъ Патріарховъ, то смотри, мы показываемъ тебѣ ихъ подписи на этихъ двухъ свиткахъ, посланныхъ въ Москву раньше нашего прихода". **Никонъ** посмотрѣлъ на подписи и сказалъ: „я не знаю ихъ рукъ." **Патріархъ Макарій:** „Это подлинныя подписи патріарховъ." **Никонъ:** „Широкъ де ты здѣсь, а какъ отвѣтъ дашь передъ Патріархомъ Константинопольскимъ (Парѳеніемъ)?" Поднялись **голоса:** „Какъ ты не боишься Бога, что безчестишь великаго Государя и вселенскихъ Патріарховъ и называешь истину ложью?" Затѣмъ прочли 24 главу свитковъ о нововведеніяхъ, и въ связи съ этимъ надо сопоставить приказъ Патріарховъ отнять у Никона

крестъ, несенный передъ нимъ, на томъ основаніи, что Патріархи такого обычая не знаютъ, ибо Никонъ перенялъ его у латинянъ. Въ дѣйствительности это былъ малороссійскій обычай, которому слѣдоваль въ Москвѣ и Патріархъ Макарій въ 1654-1656 г. Онъ былъ заимствованъ отъ уніатовъ и поляковъ въ Малороссіи и оттуда перешель въ Великороссію. По словамъ Шушерина, когда отбираль архидіаконъ Анастасій этотъ крестъ у монаха Марка, тотъ сказалъ Никону: „Св. Патріархъ, у насъ отбирають наше оружіе.“ На это **Никонъ** сказалъ: „Да будетъ воля Господня. Если дадутъ приказъ отобрать нашу послѣднюю одежду или сдѣлать еще болѣе непріятное, мы не подлежимъ за это порицанію, но пострадаемъ съ радостью, страдая за имя Господне“. За тѣмъ архидіаконъ поставилъ этотъ посохъ между другими патріаршими посохами.

Возраженіе Никона противъ искаженія и примѣненія 12 Антіох. Правила.

Послѣ Патріархъ Александрійскій сказалъ: „хотя я вселенскій судія, я желаю судить по Номоканону, и велѣлъ читать 12 Антіох. правило: „Всякій, кто беспокоитъ Царя и смущаетъ его царство, не подлежитъ защитѣ.“ Никонъ возразилъ, что эта книга (изъ которой цитируется канонъ) напечатана еретиками. И онъ могъ возразить, говоритъ Пальмеръ, что **этотъ канонъ имѣетъ совершенно другой смыслъ, будучи направленъ противъ тѣхъ, которые беспокоятъ Царя, привлекая его вмѣшаться посредствомъ его свѣтской власти въ церковныя дѣла.**“ Указывалось и на то Никону, что такой канонъ есть и въ Русской Кормчей. Но Никонъ сказалъ, что и при покойномъ Патріархѣ Іосифѣ неточно печатали¹.

Патріархи задають вопросъ о наказаніи Никона греческимъ и русскимъ епископамъ.

Патріархи спросили греческихъ епископовъ: „какому наказанію подлежитъ Никонъ, который попралъ Божественные каноны и презрѣлъ преданія отцевъ, противъ котораго столько обвиненій, который обвинялся въ столькихъ убійствахъ (это можетъ намекать на дѣло Ив. Сытина, еп. Павла), и который совершилъ безчисленные акты грабежа и несправедливости въ теченіе своего патріаршества?“

¹ Текстъ 12 Ант. Правила въ Славянской книгѣ Правиль показываетъ, что цитата его въ свиткахъ его искажаетъ. Оно говоритъ о порядкѣ апелляціи въ церковномъ судѣ и запрещаетъ клирикамъ, недовольнымъ судомъ первой инстанціи, обращаться къ царскому суду, и приказываетъ обращаться къ большому Собору епископовъ. „Аще же сихъ пренебрегши, гласитъ правило, Царю стужати будемъ, таковой да не устаивается никакого прощенья, да не будетъ мѣста его защищенію и да не имѣетъ онъ надежды возстановленія“. Такъ, это правило охраняетъ судъ церковный отъ свѣтской власти, тогда какъ свитки сдѣлали изъ него огражденіе царства отъ покушеній на его спокойствіе.

Они сказали: „онъ долженъ быть канонически низвергнуть и лишень права совершать священнодѣйствіе.“ — „Вы сказали хорошо“ сказали Патріархи, и **русскіе епископы** на тотъ же вопросъ отвѣтили: „Пусть онъ будетъ низвергнуть самымъ полнымъ образомъ, ибо онъ виновенъ во многихъ винахъ“. И **Патріархи** сказали Никону: „Отнынѣ ты не Патріархъ, и не долженъ совершать священнодѣйствій и долженъ быть какъ простой монахъ.“

Приговоръ надъ Никономъ прочитанный 5 Декабря, и отвѣтъ Никона.

У Лигарида помѣщенъ такой приговоръ, произнесенный въ этомъ засѣданіи: „Благословенъ Богъ. Намъ и Святому Духу и божественно коронованному Царю благоугодно:... и мы постановляемъ согласно рѣшенію Св. патріарховъ нашихъ братьевъ во Святомъ Духѣ и сослужителей, что Никонъ болѣе не Патріархъ Московскій и не долженъ больше такъ называться, вслѣдствіе дѣяній, теперь изслѣдованныхъ, и вслѣдствіе беззаконій, совершенныхъ имъ, запрещенныхъ канонами и подлежащихъ наказаніямъ. Изъ нихъ главныя слѣдующія: 1. Онъ представлялъ славнѣйшаго православнаго Царя въ своихъ письмахъ къ четыремъ вселенскимъ Патріархамъ отступникомъ и тираномъ 2. Онъ объявилъ, что весь яснѣйшій синклитъ латинизированъ и обратился къ еретическому ученію, безъ всякаго доказательства, только по страсти клеветца на свое стадо. 3. Онъ упорствовалъ, презирая патріаршіе свитки и греческія книги, напечатанныя въ Венеціи, отвергая иные помѣстные соборы и понося Патріарховъ Александрійскаго и Антиохійскаго, какъ не живущихъ въ тѣхъ городахъ и не обладающихъ своими престолами (такъ и было). 4. Онъ виновенъ въ смертной жестокости, особенно къ епископу Павлу Коломенскому. 5. Онъ сорвалъ съ себя безпорядочно въ Соборѣ патріаршія одежды, объявляя себя недостойнымъ и, наконецъ, суммируя все: 6. За его акты грабежа, несправедливости и беззаконія и за его фантастическія идеи мы лишаемъ его епископской чести и власти, такъ что въ будущемъ онъ уже не долженъ больше называться Патріархомъ или Епископомъ, но просто монахомъ. Такъ пусть онъ и именуется на все будущее время разъ навсегда“.

Никонъ, посмотрѣвъ на патріарховъ, сказалъ: „Вы не осмѣлились бы такъ говорить и дѣйствовать, если бы не получили разрѣшенія отъ Царя.“ Въ этихъ словахъ заключалось непризнаніе Никономъ каноническаго суда надъ Патріархомъ, который можетъ исходить только отъ всѣхъ Патріарховъ, какъ отъ духовной власти

равныхъ по сану. Никонъ ушелъ на подворье, не благословивъ народъ и безъ креста, который до сихъ поръ предносился передъ нимъ. Установленное противъ Никона обвиненіе не выдерживаетъ критики.

Необоснованность обвиненій объявленныхъ в протоколѣ 5 декабря.

Въ письмѣ къ Константинопольскому Патріарху Никонъ описываетъ только дѣйствительность, какъ онъ сдѣлался Патріархомъ, на какихъ условіяхъ, какъ Царь нарушилъ клятву, что дѣлалъ Царь въ церковномъ управленіи, какъ онъ ушелъ и проч. Если онъ говорилъ объ апостасіи, то въ смыслѣ религіозно-философскомъ, а не въ смыслѣ ругани. Объ обращеніи всего синклита къ еретическому ученію Никонъ не говорилъ, а только о приобщеніи къ посланничеству и юрисдикціи католика Лигарида который не только просто былъ католикомъ, но, какъ оказывается изъ его писемъ и образа дѣйствій, стремился, сдѣлавшись Патріархомъ на Руси, ввести въ ней унію и, можетъ, въ этихъ видахъ главнымъ образомъ и старался, такъ надъ низверженіемъ Никона. Недовѣріе Никона къ патріаршимъ свиткамъ, обнаружившееся, какъ только стали читать свитки, въ которыхъ перемѣшаны тексты каноновъ съ самовольными толкованіями ихъ, вполне оправдано, ибо Никонъ увидѣлъ, что не только исказили природу его ухода, но и самовольное толкованіе правилъ стали выдавать за сами правила. Онъ говоритъ, что, если такъ читаются правила, то значить ихъ исказили и невѣрно напечатали въ Венеціи; онъ, вѣдь, не былъ посвященъ въ ту работу, которую продѣлали надъ свитками Лигаридъ съ Мелетіемъ, и не зналъ причины искаженія ихъ. Обвиненіе въ смертной жестокости къ Павлу Алеппскому не было доказано. Павелъ умеръ въ ссылкѣ отъ неизвѣстной причины, а Никонъ старообрядцевъ ссылалъ только ради прекращенія ихъ пропаганды, а къ казнямъ приговаривали ихъ уже послѣ собора 1667 г., когда Никонъ не имѣлъ уже никакого значенія. По отношенію къ Павлу Коломенскому Никонъ имѣлъ одобреніе Константинопольскаго Патріарха и Царя, и Патріархъ Макарій его за это не порицалъ въ бытность въ Москвѣ въ 1654—1656 г., хотя объ этомъ зналъ и даже жилъ въ домѣ Коломенскаго Епископа въ Коломнѣ, пока была чума; если бы онъ находилъ неправильность въ этомъ, то сказалъ бы Никону, который, по свидѣтельству сына Патріарха Макарія Павла Алеппскаго, просилъ говорить обо всѣхъ недостаткахъ въ уставѣ церковномъ и весьма почиталъ его авторитетъ. Но Павелъ Алеппскій хвалилъ Никона за ссылку Епископа Павла Коломенскаго (II, 78),

очевидно со словъ отца своего, къ которому относился съ почтеніемъ. Обвиненіе въ срываніи съ себя священной одежды съ объявленіемъ себя недостойнымъ не было доказано на судѣ, а только голословно утверждалось, несмотря на протесты самого Никона, которые подтверждаются позднѣйшими изысканіями по возстановленію рѣчи Никона 10. VII 1657 года и сличенію текста читаной Никономъ 10-VII 1658 г. проповѣди Златоуста съ собственными поясненіями Никона. Никонъ говорилъ о своемъ недостойствѣ, какъ пастыря, обвиняя себя, что его стадо недостаточно просвѣщено, какъ обвиняли себя великіе Архипастыри древности, но его слова объ этомъ недостойствѣ его враги приурочили къ сниманію одежды, которая всегда снимается послѣ службы, и охарактеризовали, какъ отреченіе. Огульное, бездоказательное обвиненіе въ грабежахъ, несправедливостяхъ и фантастическихъ идеяхъ было голословно, и не разработано. Перемены въ имущественныхъ отношеніяхъ епархій и монастырей, отчисленіе однихъ монастырей отъ епархій и причисленіе ихъ къ другимъ монастырямъ, закрытіе Коломенской епархіи и открытіе Вятской дѣлалось съ вѣдома Царя, съ участіемъ Царя, но ничего Никонъ не дѣлалъ въ пользу личнаго обогащенія, тратя все только на Церковь и церковныя нужды. Что касается фантастическихъ идей, то онѣ названы очень неопредѣленно; если это выраженіе имѣеть въ виду борьбу Никона противъ цезарепапизма, то его идеи не фантастичны, а являются возстановленіемъ традиціи Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина, Ѳеодора Студита и вообще святоотеческаго ученія объ отношеніи государства къ Церкви.

Тенденціозность суда надъ Никономъ.

Судъ, не изучившій дѣла и преднамѣренно закрывавшій глаза на причины Никоновскаго ухода, останавливавшійся только на внѣшнихъ поводахъ къ нему, не принявшій его объясненій и не допросившій свидѣтелей съ его стороны, заблаговременно всѣхъ сосланныхъ, не можетъ почитаться судомъ каноническимъ, не говоря уже о способахъ составленія самого соборнаго суда, о способахъ составленія правилъ для суда и о просто мошеннической подтасовкѣ инкриминируемыхъ Никону фактовъ прежде ихъ судебного выясненія подъ искусственно составленными правилами, смѣшанными съ толкованіемъ на нихъ.

Окончательное судебное рѣшеніе по дѣлу Никона, читанное 12 декабря въ Чудовскомъ монастырѣ.

Но окончательное судебное рѣшеніе было составлено послѣ и было прочтено во время самаго низверженія Никона изъ сана въ церкви Чудова монастыря. Оно было болѣе полно не въ смыслѣ углубленнаго разъясненія установленныхъ на судѣ обвиненій, а въ смыслѣ прибавленій новыхъ обвиненій, которыхъ не было Никону предъявлено на судѣ, которыя фигурируютъ иногда просто въ придаточныхъ предложеніяхъ, предшествующихъ тексту самого обвиненія и приговора. Такъ было съ самымъ главнымъ обвиненіемъ, предъявленнымъ Никону уже не на судѣ, а исторической наукой, основывавшейся на этомъ документѣ, и потомствомъ; я разумѣю обвиненіе въ восхищеніи царской власти. Вотъ какъ начиналось это постановленіе: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Извѣщеніе или объявленіе совершеннаго низложенія Никона. Понеже Никонъ, бывшій Патріархъ Московскій, смуги достойнѣйшаго многолѣтняго царствованія благовѣрнаго православнаго великаго государя нашего Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и все его православное царство смяте, влагался въ дѣла неприличныя патріаршему достоинству и власти, ихъ же главизны боговѣнчанный Царь нашъ, приславъ намъ, возвѣсти намъ, четыремъ Патріархамъ, вопрошая, лѣпо ли есть и достойно Патріарху въ сицевая врыватися дѣла, паче же вопросъ творя о безчинномъ ономъ дѣлѣ, егда посреди Великія Соборныя Церкви обнажися изъ всего архіерейскаго одѣянія, Никонъ вопія велегласно; не къ тому есмь Патріархъ Московскій, ниже ктому пастырь вмѣняюси, но пасомый, яко грѣшникъ и недостойный". Такимъ образомъ Патріархи сообщаютъ, что Царь послалъ спросить ихъ, подобаетъ ли вмѣшиваться Патріарху въ такія дѣла, изслѣдовать о безчинномъ снятіи Никономъ одежды и оставленія стада уходомъ въ мѣсто кающихся въ основанный имъ монастырь; также далѣе сообщалось о совершеніи имъ епископскихъ актовъ послѣ отреченія, о профанированіи святыхъ мѣстъ перенесеніемъ названія Новаго Іерусалима на свой монастырь, объ ограбленіи въ пользу Церкви земель, о препятствованіи ставить другого Патріарха. Вслѣдствіе этого Царь де просилъ лично прибыть Вселенскихъ Патріарховъ, но два Патріарха не смогли придти изъ-за страха передъ турками, а два пришли съ согласія двухъ другихъ (это была явная ложь). Такъ указаніе на вмѣшательство Никона въ государственныя дѣла

помѣщено даже не въ самомъ обвиненіи Никона, а въ исторіи, рассказывающей о приглашеніи Патріарховъ въ Москву въ качествѣ мотива, будто бы пробудившаго Царя призвать Патріарховъ. Насколько это лживо, видно изъ того, что уже въ 1657 г. царь самъ свидѣтельствовалъ, что Никонъ не вмѣшивается въ государственныя дѣла, очевидно въ виду прекращенія регентства, съ возвращеніемъ Царя съ войны, а послѣ этого Никонъ черезъ годъ оставилъ и церковныя дѣла. **Мы подчеркиваемъ только, что это вмѣшательство не фигурируетъ въ числѣ обвиненій Никона самими Патріархами, какъ особое дѣяніе, ими изученное, тогда какъ другія перечислены среди обвиненій. Трудно себѣ представить, чтобы, если таковыя были въ дѣйствительности, то были бы умолчаны, среди такого старанія придумать и создать другія обвиненія, искусственно натянутыя.**

Сказавъ, почему ихъ позвали, Патріархи продолжали: „Се мы, Божіей благодатию и многолѣтствія достойнѣйшаго Царя нашего счастиемъ приидохомъ два Патріархи, си рѣчь, Паисій Папа и Патріархъ Александрійскій и судія вселенскій и Макарій Божія града Антиохіи и всего Востока Патріархъ, во еже бы намъ судити и утвердити патріаршіе наши томы, уже прежде самими подписанными утвержденныя и укрѣпленныя апостольскими и вселенскими и помѣстными различныхъ соборовъ правила всякое церковное тога мѣста прилучившееся дѣло. Тѣмъ же убо пришедши въ царствующій градъ Москву и сотвориша прелестное взысканіе, обрѣтохомъ винна, во всѣхъ главахъ и должно всѣмъ появленіямъ, о нихъ же глаголаше оба томы пререченнаго Никона (это они нашли во время засѣданія 30-ХІ безъ опроса Никона огульнымъ общимъ вопросомъ) во всемъ о немъ же глаголаше свидѣтели о отреченіи Никоновы патріаршаго престола. Ктому и иная многая преступленія си рѣчь, яко проклинали Архіереи російскіе въ Недѣлю Православія всякаго истязанія и суда кромѣ; еще же ругался обычаемъ глумителей двумъ Архіереямъ, единаго именуя Анну и Каіафу (Астр. Іосифа и Паисія Лигарида) такожде двухъ отъ синклита царскихъ бояровъ и посланниковъ именована Иродомъ и Пилатомъ (Одоевскаго и Родіона Стрешнева во время слѣдствія 19 іюля 1663 г.). Тѣмъ же убо Никонъ призвася по обычаю церковному да приидеть и дасть правильный отвѣтъ о нихъ же оглаголанъ быше. Но Никонъ не точию не смиреннымъ прииде образомъ, яко же мы ему братолюбиво прописахомъ, во же бы пристыжати вящую милость, паче же насъ оглаголовати не преста, повѣдуя не

имѣти насъ древнихъ престоловъ нашихъ, внѣ же нашихъ епархій скитающесе пребывати, одинаго во Египтѣ, другого же въ Дамаскѣ безпрестольно (это было вѣрно). Еще же и томы наши именована басни и бяди, того ради яко приводихомъ за его преступленія правила, прямо его преступленіямъ противящесе, яже онъ нарицаше лживая". (Никонъ призналъ, что толкованія томовъ не соотвѣтствуютъ канонамъ.) Еще же второй законъ (второе правило) сотворенъ на Соборѣ, бывшемъ въ Св. Софіи, повелѣвающій сице яко Архіерей нисшедшій на мѣсто кающихся, не можетъ архіерейская дѣйствовать. Сей онъ канонъ весьма отрече (въ дѣйствительности канонъ къ нему неприложимый, ибо онъ великой схимы не принималъ) и вся правила Помѣстныхъ Соборовъ, бывшихъ по седьмомъ Вселенскомъ Соборѣ, всячески отверже (въ томъ видѣ, въ которомъ они выдавались будто бы за напечатанныя въ греческомъ Номоканонѣ), обаче же въ свитцѣ архіерейскомъ обрѣтохомъ бывати исповѣданіе отъ священника, хотящаго хиротонисатися, яко приѣмлетъ всякое церковное преданіе и неписанное, Вселенскія и Помѣстныя Соборы, наипаче же въ Царьградѣ бывшіе, въ Преславномъ Храмѣ Премудрости Бога Слова: Такоже въ Богомъ хранимой палатѣ на Варлаама рожденнаго въ Калавріи и на Анкидина и ихъ подражателей иже вѣрно седьмой вселенскій Соборъ утверди. Паче же сихъ толкованія и сказанія яже обще мы яко Архіереи и учителя Церкви Христовы сотворили, самыя суеты рече быти. Во утвержденіе убо вящее глаголовъ нашихъ и пространнѣйше удовленіе тогда присутствовавшимъ предложихомъ же и книгу Номоканона, но сію книгу съ великимъ безстыдствомъ назва еретическою (ибо судьи, приводя невѣрно каноны, утверждали, что такъ написано въ греческомъ Номоканонѣ) того ради, что индѣ напечатася, си рѣчь, въ странахъ западныхъ. Ктому во епистолияхъ къ намъ, четыремъ Патріархамъ (въ дѣйствительности одному Константинопольскому) посланныхъ, извѣствова православноѣшаго нашего Царя латинствовати, нарицая его мучителя неправедна и уподобляя его Іеровоаму и Озіи; подобно же синклить и всю Россійскую Церковь къ латинскимъ догматамъ и отступству бѣднѣ падшую быти, порицалъ и яже стадо себѣ врученное, не пастырь, но наемникъ правильно вознепщуется и яве наречется, зане же не полагаетъ души своя за овцы своя. (Никонъ какъ разъ оберегалъ Царя и всѣхъ отъ Лигарида, но безрезультатно). Еще же и Архіерея самъ единъ низверже кромѣ всякаго Помѣстнаго Собора, на немъ же долженъ быше явити его погрѣшенія. (Павель Коломенскій, мѣры къ которому Ни-

конь примѣнили по совѣту Константинопольскаго Патріарха Паисія)... По низложеніи Павла Коломенскаго, его же изъ мантии обнажи жестоцѣ и на дальняя заточенія предаде, не помянувъ оногo словесе, яко дважды никако же казнить подобаетъ за то же и едино преступленіе (здѣсь было одно наказаніе отъ духовной власти и отъ свѣтской выполненное). Тѣмъ же прилучися архіерееви тому изумитися и погибнуть бѣдному кромѣ вѣсти: отъ звѣрей ли снedenъ, или въ водѣ утопѣ. Еще же и отца своего духовнаго повелѣ безъ милости бити, даже обезвѣчену ему на ноги быти, якоже сами язвы его видѣхомъ". (Объ этомъ въ судѣ не было и рѣчи). **Всѣ новыя обвиненія на Никона понадобились потому, что въ 1660 г. соборъ и Царь не рѣшились низвергнуть Никона изъ сана, ибо обвиненіе тогда базировалось только на его уходѣ, который враги называли отреченіемъ.**

Далѣе грамота говоритъ о наказаніи, положенномъ на Никона. „Познавши убо Никонъ не архіерейская употребляше кротость, но мучительски неправдамъ приложися, хищеніямъ предадеся и мучительствы обвязали, по св. и божественнымъ правиламъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ, сотворихомъ его всякаго священнодѣйства чюжда, во еще бѣ ему ктому не дѣйствовати архіерейскихъ, ибо его совершенно низложихомъ мы, Патріархи съ омофори и съ епитрахили передъ всѣмъ священнымъ соборомъ, изъявляюще отъ нынѣ вмѣнитися и именоватися простымъ монахомъ Никону, а не ктому патріархомъ Московскимъ. Сія вся правильно сотворихомъ, кромѣ всякаго лицепріятія и кромѣ страстнаго сужденія, боящеся немогуща преложитися ока Божія иматъ бо Богъ око отмстительно (оба Патріарха было повѣшены султаномъ) и страшася будущаго онаго судилища, воздающаго казнь втайнѣ, разсуждающе же въ умѣ и въ мысли нашей въ семъ и въ будущемъ вѣцѣ вѣчнаго огня, вѣчное мученіе праведнѣй и по Бозѣ судъ изнесохомъ и сотворихомъ мѣсто паки его пребыванію до кончины житія его назнаменовахомъ въ монастырѣ, во еже бы ему безтрепетно и безмолвно плакатися о грѣсѣхъ своихъ. Повелѣхомъ же при немъ быти благоискусну нѣкому мужу архимандриту опасеній ради, да не дерзнетъ кто отъ безчинныхъ ругатися ему и обиду творити; и онъ же самъ впредь да не дерзнетъ коварствъ какихъ составлять. Еще же завѣщаномъ при немъ быти честному мужу дворянину съ малымъ числомъ людей служилыхъ всякаго опаства ради, дабы къ нему и отъ него мятежнымъ писаніямъ не исходити".

Обрядъ низверженія изъ сана, продъланный съ Никономъ 12 декабря.

Самый обрядъ низверженія изъ сана происходилъ въ маленькой церкви Чудова монастыря въ отсутствіи народа, въ присутствіи всѣхъ тѣхъ же Архіереевъ, а среди бояръ названы Шушеринымъ кн. Одоевскій, князь Черкасскій и кн. Юрій Долгорукій. Не пришелъ лишь Царь. Изъ Архіереевъ не хотѣлъ прибыть Симонъ Вологодскій, страдая за неповинное обвиненіе Никона, сказавшись больнымъ, но его принесли въ церковь на носилкахъ. Приговоръ былъ прочитанъ Никону, стоявшему посреди церкви, по-гречески, а потомъ по-русски Митрополитомъ Иларіономъ Рязанскимъ. Шушеринъ говоритъ (стр. 125), что „слышавъ тое ихъ несправедное изверженіе, Святѣйшій Никонъ, яко быша вся вины написаны, вся ложь и клевета, возбрани нѣкую рѣчь несправедно писано... Егда же притено быти изверженіе оно, тогда Вселенстіи Патріарси снидоша со своихъ мѣсть, и приидоша предъ царскія двери суще въ омофорахъ и прочетше нѣкія молитвы краткія, по семь обращаея, приступиша ко Св. Никону, показующе рукою своею и глаголюще чрезъ толмача, повелѣвающе ему сняти съ себя клобукъ, бѣ же на главѣ Св. Никона Патріарха клобукъ чернѣй, на немъ же изображенъ бѣше честный и животворящій крестъ дражайшимъ жемчугомъ. Вопросы же Св. Патріархъ чего ради повелѣвають ему сняти клобукъ? Они же рекоша: „понеже Соборъ сей осуди тя, и дѣла твоя обличише тя, — сего ради отсель не подобаетъ ти нарицатися Патріархомъ; зане ты самъ собою и гордостью своею оставилъ свою паству твою самовольно съ клятвою". Никонъ же отвѣщавъ рече: „Аще и Соборъ сей осуди насъ несправедно, аще и дѣла наша небывшая обличиша насъ или паству свою оставихъ, но сего не сотворю, еже бы мнѣ самому сняти съ себе утвердихъ въ воспріятіи священнаго и монашескаго образа, яко сохранить ми се даже до исхода души моея, а еже вы хотите, то и творите, видѣхъ бо васъ, яко вы здѣ пришельцы есте, приидосте бо отъ дальнихъ странъ и отъ конецъ земли, не яко ино что благосодѣяти, или миръ сотворити, но яко пребывающе въ турецкомъ порабоженіи и скитающеса по всей земли, яко сущіи просителіе, да не токмо что себѣ потребная, но и обладающему вами дань воздадите; „приложи же Св. Патріархъ Никонъ и се: „вопрошаю вы и о семь, откуда вы сіи законы взяли есте яко тако дерзновенно творити? аще бо азъ и повиненъ бы бѣхъ и осужденія достоинъ, чего ради сіе тайно творите яко же татіе, приведосте бо мя въ сію церковницу въ монастырѣ сущую, въ ней же не обрѣтается Царское Величество и весь его царскій синк-

лить, **также и всенародное множество Россійской земли?** Или азъ по благодати Св. Духа паству свою или пастырскій жезлъ въ сей церковницѣ воспріяхъ?... Мы же избраніемъ Пресвятаго Духа, желаніемъ и тщаніемъ и прилежнымъ слезнымъ прошеніемъ и моленіемъ Благочестивѣйшаго Царя и его страшныхъ и нестерпимыхъ клятвъ, засвидѣтельствованныхъ самимъ Богомъ, воспріяхомъ патріаршество въ святой Соборной и Апостольской Церкви передъ всенароднымъ множествомъ, ни желаніемъ, ни тщаніемъ, ни снисканіемъ коего-либо образа, и аще нынѣ желаніе вамъ бысть, еже не праведно насъ осудити и **изврещи, да идемъ во Св. Божію Церковь въ ней же воспріяхомъ пастырскій жезлъ, и аще обрѣщуся достоинъ вашего намѣренія, то буди вамъ яко же годѣ, и еже хотите, то тамо и творите**". Но Никону не вняли, и нечестивый судъ закончился среди враговъ его вдали отъ людей.

Мотивы дѣйствій Патріарховъ въ судѣ надъ Никономъ.

Этотъ приговоръ надѣлалъ хлопотъ двумъ Патріархамъ, осудившимъ Никона. Каптеревъ сообщаетъ (II, 481), что они были низложены Вселенскимъ Патріархомъ вмѣстѣ съ соборомъ именно за то, что поѣхали въ Москву для суда надъ Никономъ. Чтобы оправдать себя въ глазахъ Патріарховъ, они, желая привлечь ихъ на свою сторону, послали имъ письма, въ которыхъ жертвовали исторической достовѣрностью, что будто они поѣхали въ Москву, полагая, что Константинопольскій Патріархъ послалъ своего экзарха, а что Патріархъ Нектарій туда уѣхалъ уже, писали, что вся ихъ дѣятельность была направлена, чтобы „возстановить и возвысить рода нашего преизящную святость, чести ради общія и лѣпоты рода нашего". Говоря о мотивахъ двухъ патріарховъ, побудившихъ ихъ ѣхать въ Москву вопреки двумъ другимъ Патріархамъ, Каптеревъ пишетъ (II, 489), что, „рѣшаясь на такой рискованный шагъ — самовольную поѣздку въ Москву, они руководились особыми и очень важными соображеніями — получить возможно богатую и обильную милостыню, которую, вѣроятно, обѣщаль имъ грекъ Мелетій, уговаривавшій ѣхать ихъ въ Москву. И они дѣйствительно получили ее въ огромныхъ цифрахъ въ разное время: подробное исчисленіе Каптеревымъ подарковъ, полученныхъ въ разное время, даетъ сумму по 200.000 золотыхъ рублей на cadaго Патріарха (II, 490).

Кромѣ того, Патріархи получили огромныя деньги на содержаніе всей своей огромной свиты, значительно превышавшія самыя

широкія потребности. Они наживались сами еще отъ этой свиты, привозившей разные священные предметы, за которые брались огромныя деньги. Кромѣ этого безпошлинно привозились товары и вывозились; часть барыша получали Патріархи. Вся огромная мірская свита изъ „племянниковъ" и родственниковъ Патріарховъ, занимавшаяся торговлей, жила также на счетъ Московскаго правительства, получала подарки отъ правительства, возила товары на казенныхъ подводкахъ, и во всемъ этомъ Патріархи состояли пайщиками. Поэтому Патріархи, когда по пути изъ Астрахани въ Москву, перешли съ барокъ на сушу, то потребовали для себя 400 подводъ (II, 494).

Отношеніе Константинопольскаго Патріарха къ совершившемуся приговору надъ Никономъ. Письмо Парфенія IV царю.

Московское правительство очень было обезпокоено, когда узнало о низложеніи Патріарховъ, послѣдовавшемъ еще до времени самого суда надъ Никономъ; подарками и грамотами оно добилось у Константинопольскаго Патріарха Меѳодія возстановленія ихъ на своихъ престолахъ, но оно хлопотало еще объ утвержденіи постановленія Московскаго Собора по дѣлу Никона передъ Константинопольскимъ Патріархомъ, ибо постановленія Собора могли вызвать протестъ. „Судя по тому, пишетъ Каптеревъ (II, 488), что подобнаго документа и ссылокъ на него никогда и нигдѣ не встрѣчается, можно думать, что Константинопольскій Патріархъ вовсе не собиралъ у себя Собора для разсмотрѣнія и утвержденія дѣяній Московскаго Собора, какъ этого хотѣло и добивалось наше правительство. Но, если со стороны Греческой Церкви и не было формальнаго соборнаго одобренія дѣяній Московскаго Собора, то не было оттуда и протеста: осужденіе Никона, какъ совершившійся фактъ, молча было принято всѣми на Востокѣ, что между прочимъ, видно изъ позднѣйшихъ разрѣшительныхъ грамотъ Никона. Но Константинопольскій Патріархъ Парѳеній, вновь вступившій на престоль, писалъ 15 янв. 1668 г. царю: „Будь Царемъ совершеннѣйшимъ, справедливымъ, тебя зовутъ милостивымъ, окажи эту милость требующимъ, изъ нихъ есть и одинъ много пренебрегаемый Никонъ; довольно, довольно для него такого изгнанія, молимъ тебя, возврати его въ монастырь свой, для наказаній ему достаточно одной ссылки, не обременяй его большимъ, оставляя такого достойнаго человѣка въ такомъ великомъ пренебреженіи, возврати изъ ссылки крестившаго твою благословенную отрасль, не медли Царь молю тебя, но какъ можно скорѣй дай ос-

вобожденіе Никону, чтобы возвратился въ монастырь свой, да радуется и вся вселенная скорбящая о немъ".

Положеніе финансовое Лигарида въ Москвѣ.

Что касается Лигарида, то, помимо надежды на высокое положеніе въ Русской Церкви, онъ получалъ также огромныя деньги отъ Царя, которыя вымогалъ у него подъ разными лживыми предлогами, то на выкупъ не существующей его Епархіи отъ турокъ, то на содержаніе слугъ и лошадей, то на архіерейскія одежды, то на покупку каретъ и лошадей, то якобы на подати своему Патріарху и на уплату долговъ епархіи, приче́мъ Царь давалъ отъ себя богатѣйшіе подарки; вдобавокъ Лигаридъ занимался торговлей и хлопотами по представительству за грековъ-купцовъ, съ которыхъ также вымогалъ деньги (Каптеревъ II, 271-274). Онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ: такъ Аѳонскій архимандритъ Теофанъ въ іюнѣ 1663 г. за посѣщеніе Никона безъ дозволенія Царя (когда онъ и рассказалъ Никону все прошлое Лигарида), былъ выданъ Лигариду и сосланъ въ Кирилловскій монастырь. Вотъ способы и люди, черезъ которыхъ Московское правительство добилось съ виду какъ будто каноническаго удаленія Никона въ ссылку. Дальнѣйшая судьба Никона въ ссылкѣ еще болѣе подтверждаетъ, что **она была больше дѣломъ боярь, чѣмъ Царя**, принужденнаго въ значительной мѣрѣ уже только нести послѣдствія созданнаго положенія. Со стороны Царя были постоянныя присылки къ Никону подарковъ, испрашиванія молитвъ, благословеній (какъ будто Никонъ не лишень былъ сана) и прощенія, но, когда не стало Царя Алексѣя Михайловича, и на престолъ вступилъ юный Царь, сначала совершенно не понимавшій всего продѣланнаго съ Никономъ, то бояре, среди которыхъ опять взяли верхъ Милославскіе съ Патріархомъ Іоакимомъ, подвергли его еще болѣе нелѣпому суду въ 1676 г., по которому его перевели изъ Отрапонтова монастыря въ Кирилловъ на гораздо болѣе тяжелое заключеніе, а передъ этимъ, за короткое время второго брака Алексѣя Михайловича 1672—1676 г.г., участь Никона была настолько облегчена, что онъ свободно ѣздилъ изъ монастыря, и принималъ множество народа, который лѣчилъ.

Никонъ возлагалъ отвѣтственность за приговоръ на Царя: это на Царя, но болѣе виновными считаетъ боярь.

Никонъ возлагалъ отвѣтственность за приговоръ видно изъ приведенныхъ уже нами Послѣднихъ словъ его Патріархамъ въ

засѣданіи 5 декабря, а въ другомъ засѣданіи, когда на него понеслось со всѣхъ сторонъ негодование за то, что онъ всѣхъ сопричислилъ къ костелу, онъ прямо сказалъ Царю: „Моя кровь и грѣхъ всѣхъ на твоей головѣ, Царь". Оставляя отвѣтственность на Царѣ, который не оцѣнилъ того, чѣмъ былъ Никонъ для царской власти, Никонъ, мы видѣли, большими виновниками въ своемъ гоненіи считалъ бояръ: такъ онъ писалъ въ „Раззореніи": „больше виновенъ тотъ, кто побудилъ къ гоненію"; такъ онъ говорилъ и на судѣ, напоминая Царю, что самъ онъ въ 1648 и 1662 г.г. свидѣтельствовалъ неправду бояръ. Разсмотрѣніе дѣла суда показываетъ, что процессъ надъ Никономъ нельзя назвать судомъ въ юридическомъ смыслѣ, ибо это былъ судъ политическій въ смыслѣ опредѣленнаго преслѣдованія для достиженія предустановленной цѣли, но облеченнаго въ судебныя формы.

Судьба Никона въ ссылкѣ. Два теченія въ Москвѣ въ отношеніи къ Никону.

Послѣ ссылки Никона отношеніе къ нему со стороны Московскаго правительства двойственное: Царь хочетъ смягчить ему участь, бояре — отяготить. Эти два теченія все время пересѣкаютъ другъ друга; но точка зрѣнія Никона всегда осталась одна. Дѣлая отвѣтственнымъ за приговоръ Царя, онъ на другой день послѣ низложенія 13 декабря 1666 г. въ отвѣтъ на просьбу Царя о благословеніи черезъ боярина Родіона Стрешнева, категорически въ этомъ отказалъ, заявивъ: „Если бы благовѣрный Царь желалъ отъ насъ благословенія, то не оказалъ бы намъ такой немилости". Никонъ былъ человѣкъ принципа и отказался принять отъ Царя богатые подарки и шубу на дорогу, несмотря на всѣ уговоры Стрешнева и Морозова, и на то, что у него не было съ собой шубы, которую уже въ пути ему далъ сопровождавшій архимандритъ Юсифъ.

Никонъ не прощаетъ Царя какъ Патріархъ Царя, но прощаетъ какъ человѣкъ человѣка.

Точка зрѣнія Никона ясна; когда Царь просилъ прощенія и благословенія, присылая съ подарками въ Ферапонтовъ монастырь, Никонъ прощалъ его, но одновременно говорилъ, что полное прощеніе можетъ дать тогда, когда Царь его вернетъ изъ ссылки въ Воскресенскій монастырь; тогда онъ дастъ прощеніе полное подъ епитрахилью; до тѣхъ поръ полнаго прощенія быть не можетъ, ибо не будетъ на лицо реальнаго раскаянія въ совершенномъ надъ Никономъ нечестіи. Когда пріѣхалъ къ Никону новый приставъ Наумовъ

19 января 1667 г., то Никонъ отвѣчалъ черезъ него Царю: „Ты боишься грѣха, просишь у меня благословенія, примиренія, но я даромъ тебя не благословлю, не помирюсь; возврати изъ заточенія, тогда прощу... Когда передъ моимъ выѣздомъ изъ Москвы ты присылалъ Родіона Стрешнева съ милостыней и просьбой о прощеніи и благословеніи, я сказалъ ему — ждать суда Божія. Наумовъ говорить тѣ же слова, и я ему тоже отвѣчалъ, что мнѣ нельзя дать просто благословеніе и прощеніе. Ты меня осудилъ и заточилъ, и я трикратно тебя проклялъ по Божественнымъ заповѣдямъ паче Содома и Гоморры; въ первый разъ, какъ уходилъ (въ 1658) съ патріаршества, ради гнѣва твоего, выходя изъ церкви отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ, и во второй разъ, какъ приходилъ предъ Рождествомъ (1664), былъ изгнанъ, во всѣхъ воротахъ городскихъ отрясалъ прахъ, въ третій разъ какъ былъ у тебя въ столовой въ другой разъ, выходя, сталъ посреди столовой и обратясь къ тебѣ, отрясая прахъ ногъ, говорилъ: кровь моя и грѣхъ твоихъ буди на твоей головѣ". И Никонъ былъ непреклоненъ, несмотря на то, что режимъ его дѣлали болѣе суровымъ именно за его непреклонность, и смягчали, когда Никонъ проявлялъ меньше непреклонности. Послѣ многократныхъ просьбъ Царя Никонъ послалъ ему благословеніе и прощеніе личное за себя, предупредивъ, что это прощеніе не есть полное, которое возможно только, если Царь аннулируетъ приговоръ суда.

7-IX 1667 года Никонъ писалъ Царю: „Нынѣ 7 сентября приходилъ ко мнѣ Степанъ Наумовъ и говорилъ мнѣ великимъ Государевымъ словомъ, что повелѣно ему по вашему государевому указу съ великимъ прошеніемъ молить и просить о умирении, чтобы я, богомолецъ вашъ, тебѣ великому Государю подалъ благословеніе и прощеніе, а ты, Государь, меня, богомольца своего по своему разумѣнію пожалуешь. И я тебя, великаго Государя и все твое царское семейство благословляю и прощаю. А когда я богомолецъ вашъ ваши государскія очи увижу и тогда вамъ, Государямъ со святымъ молитвословіемъ наипаче прощу и разрѣшу, какъ Св. Евангеліе показываетъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и Дѣяніе Святыихъ Апостолъ, (которые) всюду съ возложеніемъ рукъ прощеніе и цѣльбы творили Смиранный Никонъ милостью Божіей Патріархъ, засвидѣтельствую страхомъ Божіимъ и подписаніемъ своей руки". Никонъ не признавалъ канонической дѣйствительности низложенія и считалъ себя Патріархомъ. Такъ молились за него, какъ за Патріарха, и его близкіе монахи, добровольно раздѣлившіе съ нимъ ссылку.

Отношеніе Царя къ Никону въ ссылкѣ.

Посланные, пріѣзжавшіе къ Никону отъ Царя величали его отъ имени Царя великимъ и святымъ отцомъ. Царь неоднократно присылалъ Никону подарки и дары богатые, которые Никонъ иногда отказывался принимать (напримѣръ по случаю смерти царицы Маріи Ильинишны, сказавъ, что и даромъ молиться будетъ), иногда принималъ, когда предполагалъ въ отношеніи Царя преддверіе своего освобожденія; въ зависимости отъ этихъ личныхъ отношеній къ нему Царя, отражавшагося въ поведеніи приставовъ, Никонъ иногда снова угрожалъ, что не будетъ посылать благословеніе, и опять не будетъ ничего принимать отъ Царя, и передъ Богомъ плакать будетъ и говорить снова, что прежде говорилъ съ клятвой. Но въ одномъ онъ остался вѣренъ — прощенія полного онъ Царю не далъ, ибо Царь не исправилъ своего грѣха передъ Церковью и не освободилъ отъ невиннаго заточенія Патріарха. Повидимому, Царь очень тяготился своей виной въ участи Никона, ибо въ его духовной читалось надъ его гробомъ: „При семъ же азъ прощенія прошу и разрѣшенія отъ Церкви Божіей и отъ слугъ ея, отъ отца моего великаго Господина Св. Никона Іерарха и блаженнаго пастыря, аще и не суть нынѣ на престолѣ семъ Богу тако изволившу, такожде разрѣшенія прошу отъ Св. Іоакима Патріарха Московскаго и всея Руси и Преосвященныхъ Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ и у отца моего духовнаго протопопа Андрея Савиновича и у всего Освященнаго Собора и монашескаго чина" (приведено изъ Николаевского, взявшаго эту запись изъ Рукописи бібліотеки СПб духовной академіи).

Никонъ самъ также просилъ прощенія у Царя за личныя обиды. Его сообщенія Царю о своей жизни въ ссылкѣ.

Никонъ съ своей стороны самъ просилъ у Царя прощенія за свои ему личныя обиды; свидѣтельствомъ его осталось его письмо отъ 25 декабря 1671 г., посланное іеродіакономъ Мардаріемъ (добровольно раздѣлившимъ заточеніе), въ которомъ Никонъ просилъ у Царя ради Праздника Рождества Христова полного прощенія во всѣхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ему въ прежнее время. Затѣмъ Никонъ описываетъ жизнь свою въ Өерапонтовомъ монастырѣ при приставѣ Наумовѣ, и въ концѣ письма умоляетъ Царя объ облегченіи своей участи. „Ради винъ моихъ отверженъ я въ Өерапонтовъ монастырь. Теперь я боленъ, нагъ и босъ, креста на мнѣ нѣтъ третій годъ; стыдно и въ другую келью выйти, гдѣ хлѣбъ пекутъ и кушанья готовятъ, потому что многія части зазорныя непокрыты; со всякой нужды келей-

ной и недостатковъ оцѣнжалъ, руки больны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣльма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая, и они не терпятъ ни горячаго ни холоднаго, ни кислаго, ноги пухнуть и потому не могу церковнаго правила править, а попъ у меня одинъ и тотъ слѣпъ, говорить по книгамъ не видитъ: приставы ничего ни продать, ни купить не дадутъ, никто ко мнѣ не ходитъ и милостыню просить не у кого. А все это Степанъ Наумовъ навелъ на меня за то, что я ему въ глаза и за глаза говорилъ о неправдахъ его, что многихъ старцевъ, слугъ и крестьянъ билъ, мучилъ и посулы бралъ.. До тебя это дошло и ты прислалъ Ивана Образцова съ милостивымъ указомъ; онъ поосвободилъ насъ, но Степану никакого указанія не учинилъ; какъ было велѣно, только въ хлѣбной избѣ часа на два посадилъ. А Степанъ немного спустя началъ мучить меня пуще прежняго: служба мой ходитъ къ нему разъ десять для одного дѣла, все времени нѣтъ! А, если выгянетъ въ окошко, съ шумомъ говорить: я въ монастыри писалъ, чтобы прислали запасное (въ Кирилловъ монастырь и другіе, которые присылали на содержаніе Никона по приказу Царя), но они не слушаютъ, а у меня приказа нѣтъ, чтобы на нихъ править; они говорятъ: „пора прихоти оставить, ѣшь, что дадутъ". Когда къ Степану вѣсть пришла, что твоего царевича Алексѣя не стало, то дѣвка его пришла въ другую избу и говорила: „Нынѣ на Москвѣ кручина, а у нашего боярина радость, говоритъ: теперь нашего колодника надежда вся погибла; на кого надѣялся, и того не стало, кротокъ будетъ. А теперь кн. Самойло Шайсуповъ (новый приставъ) дѣлаетъ все по Степанову. Прошу тебя: ослаби ми мало, да почию прежде даже отыйду, прошу еже жити ми въ дому Господни во вся дни живота моего". Послѣ вскорѣ наступила лучшая пора въ жизни Никона въ ссылкѣ до лѣта 1674 г.. когда на Патріаршій престолъ возшель Іоакимъ, а лично Царь до смерти своей въ 1676 г. исполнялъ нерѣдко самыя прихотливыя желанія Никона.

Никонъ въ ссылкѣ не признавалъ суда 1666 г. надъ собой каноническимъ.

Никонъ всегда подписывался Патріархомъ и писалъ Царю въ январѣ 1672 г.: „Соборъ судившихъ меня Патріарховъ Паисія и Макарія я ставлю ни во что, потому что Патріархи ушли съ своихъ престоловъ, и на ихъ мѣста поставлены другіе. Я повинуюсь Константинопольскимъ Патріархамъ и прочимъ Вселенскимъ Патріархамъ, занимающимъ свои престолы". Далѣе Никонъ просилъ прощенія за то, что объ этомъ говорилъ и писалъ Царю въ досадительной формѣ,

просиль прощенія и милости, приписывая, что отъ Бога Царь получитъ награду, что не мстиль ему за это.

Царь дѣлаеть послабленія Никону, когда съ его вторымъ бракомъ обезсиливаются Милославскіе.

Послѣ 1672 г., когда Царь только что вступилъ въ бракъ съ Наталіей Кирилловной Нарышкиной, въ Москвѣ значительно обезврежена была партія враговъ Никона, и Царь имѣль возможность дѣлать Никону всевозможныя послабленія; предоставилъ ему свободу передвиженія, такъ что Никонъ ѣздилъ по сосѣднимъ монастырямъ, развилъ хозяйство, принималъ массу народа, до 40 человекъ въ день, для лѣченія лекарствами, которыя выписывалъ изъ Москвы или составлялъ самъ. За это время враги Никона составили много клеветъ, и, когда со смертью Алексѣя Михайловича, они вошли въ силу, то выместили ему тяжелымъ заключеніемъ въ Кирилловомъ монастырѣ, послѣдовавшимъ по доносамъ самыхъ низкопробныхъ людей безъ всякаго слѣдствія и суда.

Никонъ считаетъ судъ 1666 г. несчастьемъ для русскаго государства и Церкви.

Никонъ почиталъ величайшимъ грѣхомъ дѣянія восточныхъ Патріарховъ, и, какъ всякій грѣхъ, онъ въ его глазахъ долженъ былъ дать тяжелыя послѣдствія. „Если неразумная запретительная клятва восточныхъ Патріарховъ осужденіемъ Русскаго Первосвятителя, наложенная на весь русскій народъ не снимется, добра ждать нечего“, говорилъ Никонъ Стрешневу, сообщавшему ему въ мартѣ 1669 г. о смерти царицы Маріи Ильинишны. Съ своей точки зрѣнія Никонъ видѣль въ этомъ судѣ несчастье не только для себя, но для всей Русской Церкви и Русскаго государства, **и онъ измѣнилъ бы себѣ, если бы онъ далъ Царю прощеніе за его дѣйствія въ отношеніи къ Русской Церкви**, въ какихъ бы личныхъ отношеніяхъ къ нему онъ ни состоялъ въ послѣдніе годы жизни Царя, присылавшаго посланныхъ узнать о нуждахъ Никона, посылавшаго ему поклоны, величавшаго его св. великимъ отцомъ, исполнявшаго почти всѣ его желанія по обиходу жизни, и присылавшаго такіе цѣнныя подарки, что Никонъ давалъ деньги взаймы монастырямъ и даже занялся опять своей любимой дѣятельностью — благотворительностью.

Никонъ отказываетъ въ формальномъ прощеніи даже умершему Царю.

И когда пришла вѣсть о смерти Царя, ему съ нарочнымъ, посланнымъ изъ дворца, Никонъ расплакался, но отказалъ въ формаль-

номъ письменномъ прощеніи умершему Царю и съ болью въ сердцѣ, со слезами на глазахъ сказала: „Воля Господня да будетъ, если Государь здѣсь на землѣ передъ смертью не успѣлъ получить прощенія съ нами, то мы будемъ судиться съ нимъ во второе пришествіе Господне; по заповѣди Христовой я его прощаю и Богъ его проститъ, а на письмѣ прощенія не дамъ, потому что при жизни своей не освободилъ насъ отъ заточенія“.

Выявленіе боярской злобы послѣ смерти Царя Алексѣя Михайловича, до тѣхъ поръ сдерживаемой.

На ряду съ такимъ отношеніемъ Царя къ Никону, противъ него продолжается въ Москвѣ неугасимая боярская злоба, степень проявленія которой зависитъ только отъ возможности ее проявить въ зависимости отъ политическаго вѣса враговъ Никона въ то или другое время. Между прочимъ историкъ Татищевъ, доказывая преимущества самодержавія для Россіи, пишетъ: „Вышеобъявленный (т. е. боярское правленіе) безпутный и государству вредный порядокъ правленія нѣколько Царь Алексѣй Михайловичъ исправилъ и власти своя прибавилъ, коему властолюбивый Патріархъ Никонъ столько въ томъ воспрепятствовалъ, что онъ не могъ совершенно самовластія получить, а по сверженію онаго, болѣзнь и другія препятствія не допустили“ (1, 545). Татищевъ считаетъ, что борьба изъ-за притязаній Никона помѣшала Алексѣю Михайловичу довести борьбу съ боярствомъ до конца, ибо онъ для борьбы съ Никономъ нуждался въ поддержкѣ боярь. Но дѣло-то въ томъ, что съ Никономъ то Царю нечего было и бороться: бояре и натравили Царя на Никона, чтобы разбить ихъ союзъ противъ боярства. Мы можемъ видѣть боярскую злобу во многихъ случаяхъ за время заточенія Никона, пока ей не удалось заточить Никона въ Кирилловскій монастырь на безысходное жительство въ кельѣ безъ чернилъ и бумаги, почти безъ книгъ (все было отнято, кромѣ псалтыря и Библии) и съ удаленіемъ его слугъ, добровольно пришедшихъ раздѣлить съ нимъ заточеніе. Такъ какъ самъ Царь постоянно поддерживалъ съ Никономъ отношенія и даже какъ будто подогрѣвалъ своими дарами, испрашиваньемъ благословенія и заботой о немъ, надежду на возвращеніе, то враждебная Никону партія зорко слѣдила, чтобы этого не допустить. Враги его старались истолковать въ худую сторону всѣ дѣйствія Никона и составляли на него даже ложные доносы. Вредъ этихъ доносовъ до времени ограничивался тѣмъ, что Царь стѣснялся въ своихъ отношеніяхъ къ Никону и не исполнялъ тѣхъ перемѣнъ къ лучшему,

которыя сулили, отправляль пословъ съ словесными порученіями, смѣняль приставовъ, досадившихъ Никону, но въ руки имъ не даваль въ руководство письменныхъ инструкцій.

Неурегулированность положенія Никона въ ссылкѣ.

Отъ этого эти лица въ отношеніяхъ къ Никону руководились взглядами разныхъ сильныхъ при дворѣ лицъ, и участь Никона отъ этого постоянно колебалась: то его сажали за желѣзную рѣшетку и отводили въ сторону дорогу, чтобы онъ былъ дальше отъ людей, то онъ получаль свободу, ѣздилъ верхомъ, устраиваль рыбныя ловли, вель хозяйство, въ которомъ было нѣсколько лошадей, коровъ, немало вольнонаемныхъ работниковъ, строилъ кельи, получилъ въ свое распоряженіе церковь Богоявленія надъ монастырскими воротами, куда Царь присылаль утварь, книги, какъ было за періодъ 1672-1674 гг. (съ женитьбой Царя на Нарышкиной). Но неопредѣленность положенія не могла не мучить Никона. Такъ послѣ пріѣзда въ іюль 1667 г. пристава Образцова открытъ былъ къ Никону доступъ для постороннихъ; немедленно увеличилось при немъ количество келейныхъ старцевъ, вернулись нѣкоторые старцы, пришедшіе добровольно изъ Воскресенскаго монастыря, но ушедшіе, когда въ мартѣ этого года Наумовъ посадилъ Никона за желѣзную рѣшетку: по словамъ Никона, онъ днемъ съ лучиной теперъ долженъ былъ отправлять келейное правило и былъ разобщенъ съ внѣшнимъ міромъ. Въ Москвѣ партія враждебная Никону узнала, что онъ даже посылаетъ старцевъ съ письмами, въ августѣ 1667 г. арестовали и сослали иныхъ лицъ, Наумову сдѣлали выговоръ; онъ сталъ слѣдить за перепиской Никона и за протестъ посадилъ его подъ стражу.

Надпись на крестахъ въ Терапонтномъ монастырѣ.

Къ этому времени и появились вырѣзанныя по приказу Никона старцемъ Іоной надписи на крестахъ, поставленныхъ внѣ монастыря на дорогѣ: „Никонъ, Божіей милостью Патріархъ постави сей крестъ Господень, будучи въ заточеніи за Слово Божіе и за Святую Церковь, на Бѣлоозерѣ въ Терапонтномъ монастырѣ въ тюрьмѣ. Эта надпись правильно выражала ту истину, что Никонъ пострадалъ за ученіе, основанное на Св. Отцахъ, и за обличеніе тьмы духа вѣка сего.

9 апрѣля 1668 г. недовольные въ Москвѣ созвали Соборъ съ неуѣхавшими еще Патріархами, который постановилъ перевести Никона въ болѣе дальній монастырь, перемѣнить Спасскаго архимандрита Іосифа, бывшаго при Никонѣ, и приказать другому, подъ угро-

зой церковной казнью, чтобы никого в тот монастырь ни с какими письмами и посылками к Никону не пропускал. И от него Никона никаких писем ни к кому и ни с кем бы не было. Это не было исполнено благодаря протесту Царя, но иллюстрировало наличие борющихся в Москвѣ сторонъ, которая отражалась на участи Никона; облегчение участи его задерживалось; до самого удаления Наумова в половинѣ 1671 г. Никону приходилось испытывать всякія муки. Всѣхъ приходившихъ к Никону привлекали к допросу: кто не давалъ показаній или путался в нихъ, тотъ отправлялся в Москву в Приказъ Тайныхъ Дѣлъ для допросовъ, наказаній и ссылки. Цѣлыхъ три года 1668-1671 было такъ, причемъ подвергались такой участи и монахи, и крестьяне болѣе сѣверныхъ монастырей, приходившіе к Никону. В ноябрѣ 1668 г. пріѣзжалъ допросить Никона стрѣлецкій глава Лутохинъ объ извѣтѣ его, поданномъ на основаніи доноса его старцевъ, ѣздившихъ в Москву, что Богданъ Хитрово хочетъ занять первое мѣсто при Государѣ. Старцы перепутали фамиліи лицъ, назвали в Москвѣ Ртищева вмѣсто Хитрово и запутались в показаніяхъ. Когда пріѣхалъ Лутохинъ в Терапонтовъ монастырь, то здѣсь на Никона послѣдовалъ доносъ в государственной измѣнѣ.

Доносъ (ложный) на Никона в государственной измѣнѣ (съ Донскими казаками Стеньки Разина).

Впослѣдствіи, в 1673 г. игумень Афанасій публично каялся в своихъ ложныхъ показаніяхъ на Никона Лутохину, но дѣло было сдѣлано и причинило много тревогъ Никону. Теперь бывший при Никонѣ Новоспасскій архимандритъ Іосифъ, раньше хорошо относившійся к Никону, узналъ, что имъ в Москвѣ недовольны и хотятъ переимѣнить, просилъ в октябрѣ 1668 г. объ его замѣнѣ, рѣшилъ добиться перевода, но, не получая отвѣта, объявилъ государю дѣло, чтобы его взяли в Москву для допроса, а объявилъ онъ вотъ что: „Весной 1668 г. были у Никона воры, донскіе казаки; я семь видѣлъ у него двоихъ человекъ, и Никонъ мнѣ говорилъ, что это донскіе казаки, и про другихъ сказывалъ, что были у него в монашескомъ платьѣ, говорили ему, нѣтъ ли ему какого утѣсненія, мы отсюда тебя опростимъ". Никонъ говорилъ мнѣ также: „И в Воскресенскомъ монастырѣ бывали у меня также донскіе казаки и говорили, если захочешь, то мы тебя по прежнему на патриаршество поставимъ, сберемъ вольницу, боярскихъ дѣтей". Никонъ сказывалъ также, что „будетъ о немъ в Москвѣ новый Соборъ по требованію Царьградскаго Патриарха, писалъ ему объ этомъ Афанасій — Митрополитъ

Иконійскій". Начались розыски, пытки и ссылки. По этому поводу Проф. Николаевскій, изучившій жизнь Никона за періодъ 1667—1681, пишетъ: „Намъ неизвѣстны документы, въ которыхъ бы излагалась сущность этихъ розысковъ и ясно открывалась бы виновность Никона по первому изъ этихъ доносовъ. Но имѣются другіе документы, заставляющіе признать совершенно страдательное участіе Никона въ начинавшемся общественномъ броженіи, вскорѣ завершившемся Разинскимъ бунтомъ. Донскіе казаки свободно гуляли по окраинамъ Россіи и подготовляли смуту: ихъ много было и на сѣверѣ Россіи, гдѣ они участвовали въ Соловецкомъ возстаніи. Такъ какъ съ половины 1668 г. шли усиленные розыски по Никонову дѣлу, стрѣльцы, приставленные къ Никону, постоянно ѣздили въ Москву съ арестованными, то Наумовъ принужденъ былъ пополнять стражу монастырскими служками, въ числѣ коихъ попадались и донскіе казаки. Въ Кирилловомъ монастырѣ также бывали бродячіе монахи, побывавшіе въ шайкѣ донскихъ мятежниковъ и зазывавшіе мѣстныхъ монаховъ идти съ собой на низъ, на Волгу въ казачій полкъ воровать. Такіе агенты Разина были и въ Өерапонтовомъ монастырѣ; имъ было интересно привлечь на свою сторону Никона и именемъ его поднять бунтъ на сѣверѣ Россіи; въ послѣдствіи на допросахъ самъ Никонъ не отрицалъ того факта, что при Наумовѣ со стрѣльцами къ нему приходили три казака и говорили свои нужды и жалобы на правительство, а въ обвинительномъ актѣ 1676 г. противъ Никона прямо говорится, что эти три казака звали его Никона съ собой, чтобы онъ съ ними шелъ къ Кириллову монастырю, а ихъ де пришло по него 200 человекъ, а есть де готово и 5 тысячъ человекъ, и чтобы Степана Наумова убить до смерти и Кирилловъ монастырь разорить и съ тою бы казною и съ пушки и съ запасомъ идти на Волгу". Казаки могли произвести и насилія и, можетъ быть, пытались. Это казацкое движеніе на сѣверѣ можетъ объяснить и тотъ загадочный фактъ, что ночью 22 января 1669 г., когда были розыски по извѣту архимандрита Іосифа, Өерапонтовскій келарь Макарій Злобинъ собрался наряднымъ дѣломъ съ монастырскими служками да съ приходящими ворами пьянымъ обычаемъ, разбилъ карауль, стоящій у Никона, сотника и стрѣльцовъ побилъ на голову, такъ что Наумовъ просилъ Царя усилить стражу присылкой изъ самой Москвы. Остается голый фактъ, что донскіе казаки хотѣли использовать обаяніе Никона, приглашали его перейти на ихъ сторону, отъ его имени послѣ разсылали преступныя прокламаціи (Сол. XI, 368, 369), но Никонъ не только не

измѣнили государственному долгу, но вскорѣ предупредалъ Царя о готовящейся смутѣ".

Сношенія Никона съ Митрополитомъ Афанасіемъ Иконійскимъ, сообщающимъ ему объ отношеніи къ его дѣлу Константинопольскаго Патріарха.

Что касается Доноса архимандрита Юсифа противъ Никона объ его сношеніяхъ съ приверженцами на Москвѣ и на Востокѣ въ видахъ пересмотра и отмѣны соборнаго опредѣленія, то для этого есть основанія. Афанасій Митрополитъ Иконійскій, давшій важныя показанія въ пользу Никона противъ полномочій обоихъ Патріарховъ, судившихъ Никона, хотя и былъ подверженъ заточенію въ Симоновомъ монастырѣ, но и здѣсь въ 1665 г. не переставалъ тайно переписываться съ Никономъ. Во время суда надъ Никономъ онъ былъ освобожденъ изъ заключенія, отправлялъ церковную службу при Царѣ и поддерживалъ сношенія съ Никономъ. Онъ могъ передать Никону и о грамотѣ Патріарха Парфенія къ Царю съ просьбой освободить Никона отъ наказанія и предоставить ему жить въ Воскресенскомъ монастырѣ. Афанасій Иконійскій былъ отправленъ за сношенія съ Никономъ 11 декабря 1668 г. въ ссылку въ Макаріевъ Желтоводскій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1670 г., а Никонъ оставленъ подъ строгимъ карауломъ. Разговоры съ Никономъ о томъ, что приходили донскіе казаки, происходили вполнѣ миролюбиво и неоднократно.

Когда въ мартѣ 1679 г. пріѣзжалъ къ Никону Родіонъ Стрешневъ съ извѣстіемъ о кончинѣ царицы Маріи Ильинишни съ подарками отъ царя, Никонъ оправдывался отъ нареканій въ сношеніяхъ съ донскими казаками и высказывалъ свои соображенія о движеніи, указывая на близость великой смуты отъ казаковъ; причину этой смуты онъ видѣлъ въ интригахъ и насиліяхъ боярѣ, враждовавшихъ противъ Царя и шедшихъ противъ его распоряженій: „эта боярская интрига грозитъ де спокойствію цѣлой семьи и государства; она и безъ того уже произвела смуту въ Русской Церкви несправедливымъ тяжелымъ заключеніемъ ея Патріарха; и впредь, если эта неразумная запретительная клятва Восточныхъ Патріарховъ осужденіемъ русскаго первосвятителя, наложенная на весь православный русскій народъ не снимется, добра ждать нечего". Замѣчаніе Никона оправдалось, и въ 1670 г. т. е. въ слѣдующемъ году Царь разсылалъ грамоты о бунтѣ Разина. Когда Разина схватили, то онъ далъ вынужденныя неопредѣленныя показанія, которыя были подхвачены врагами Никона для обвиненія его въ государственной измѣнѣ.

О казакахъ говорилъ Никонъ въ разговорахъ съ Шайсуновымъ вскорѣ послѣ его прїѣзда въ Терапонтовъ монастырь, куда послѣдній поступилъ съ 12 мая 1671 г., что „онъ на воровскую прелесть казачковъ не поддастся, во всемъ имъ отказалъ и съ клятвой имъ приказывалъ, чтобы они принесли государю свою повинную, и они пропали неизвѣстно куда“.

Сообщенія Никона о донскихъ казакахъ.

18 января 1672 г. прїѣзжалъ къ Никону отъ Царя стрѣлецкїй голова Лотухинъ и подъячїй Приказа Тайныхъ Дѣлъ Степановъ съ деньгами, шубой и рыбой. Они говорили, что Царь готовъ примириться во всемъ, просить прощенія, что въ Терапонтовъ монастырь Никонъ сосланъ Вселенскими Патріархами съ Соборомъ, что приставъ Наумовъ причинялъ Никону притѣсненія не по указу, а самовольно; они говорили Никону о томъ, что Стенька Разинъ въ разспросѣ на пыткахъ и съ огня показалъ, что прїѣзжалъ къ нему подъ Симбирскъ отъ Никона старецъ и приглашалъ его идти вверхъ Волгой, а онъ де Никонъ къ нему навстрѣчу, ибо тебѣ тошно отъ бояръ, что у тебя готово было пять тысячъ человѣкъ. Старецъ тотъ изъ подъ Симбирска ушелъ. Никона спрашивали, отчего онъ не велѣлъ схватить тѣхъ трехъ казаковъ, которые къ нему приходили. Никонъ сказалъ: „О смутѣ на Волгѣ и о Разинѣ я ничего не знаю; три казака, приходившіе ко мнѣ, передавали только о томъ, что они посланы въ Невель, велѣно устроить ихъ землянки, но они жить такъ и пахать землю не привыкли, государева жалованья и корму имъ не было, и они теперь идутъ искать себѣ воли. Наумову о нихъ я не донесъ, потому что они сказывали про свое многолюдство; я боялся, чтобы смуты не учинить, а обороняться отъ нихъ было нечѣмъ, Государю же о нихъ я тогда же писалъ и архимандриту Іосифу передавалъ“.

Возобновленіе преслѣдованїи Никона въ 1676 г. послѣ смерти Царя. Собираніе всѣхъ клеветъ.

Казалось, на этомъ все и могло бы кончиться, но нѣтъ. Дѣло было записано врагами Никона въ пассивъ, съ тѣмъ, чтобы поднять тогда, когда они возьмутъ силу. Это наступило спустя много лѣтъ уже послѣ смерти Царя Алексѣя Михайловича, когда противъ Никона выступили всѣ враждебныя силы, и собраны были всѣ ложные доносы, вошедшіе въ одинъ обширный обвинительный актъ, по которому Никонъ и былъ осужденъ на тяжкое заключеніе. Въ частности это дѣло о донскихъ казакахъ попало въ доносъ поссорившагося съ

Никономъ еще въ 1674 году пристава князя Самойлы Шайсупова, гдѣ были выставлены и другія обвиненія столь же нелѣпныя, которыми воспользовались враги Никона, получившіе исключительное вліяніе на молодого Царя послѣ смерти Алексѣя Михайловича, именно Богданъ Хитрово, Родіонъ Стрешневъ и Патріархъ Іоакимъ. 29-30 января 1676 г. умеръ Алексѣй Михайловичъ, а черезъ 40 дней начался судъ надъ его духовникомъ протоіереемъ Андреемъ Савиновымъ, сторонникомъ Никона, черезъ котораго шли и письма Никона къ Царю; 14-III 1676 г. онъ былъ лишенъ священства и сосланъ въ Кожеезерскій монастырь съ запрещеніемъ стоять въ церкви съ вѣрными, послѣ чего и принялись за Никона. Еще со вступленіемъ на Патріаршество въ іюль 1674 г. Іоакима, враги Никона стали проявлять вліяніе на его положеніе. Милости Царя стали сокращаться, а отъ Патріарха Іоакима слѣдовали инструкции съ замѣчаніями на счетъ жизни Никона съ тенденціей возстановить строгости 1668 г. во исполненіе приговора суда 1666 и 1668 г. Никонъ жаловался на неискренность Кирилловскихъ властей въ смыслѣ доставки содержанія отъ монастыря на его людей. Челобитную Никона докладывалъ Б. Хитрово, и въ январѣ 1675 г. вышелъ царскій Указъ: Царь указалъ и бояре приговорили: „Отпискѣ этой ни въ чемъ не вѣрять, а къ монаху Никону послать съ выговоромъ стольника Козьму Лопухина и про все развѣдать подлинно, что Никонъ великому Государю писалъ не дѣломъ. Одновременно Патріархъ Іоакимъ поручилъ допросить игумена и братію Оерапонтова монастыря, зачѣмъ именуютъ они Никона Патріархомъ. Вмѣстѣ съ боярскимъ выговоромъ отъ самого Царя шли денежные дары, серебряные церковные сосуды съ покровами, облаченія для іеромонаховъ и кругъ богослужебныхъ книгъ. Это было свидѣтельствомъ продолжавшагося двойственного отношенія въ Москвѣ къ Никону: съ одной стороны Царь и нѣкоторые духовные и свѣтскіе вельможи, съ другой — извѣстные намъ враги Никона, двойственность прекратившаяся, когда враги Никона одолѣли вполнѣ со смертью Царя Алексѣя Михайловича и разослали всѣхъ друзей Никона въ ссылку вплоть до того времени, когда въ 1678 г. установились хорошіе отношенія у Царя Θεодора съ его теткой Татьяной Михайловной, передавшей молодому Царю всю исторію Никона. Во время присылки Іоакимовой грамоты, Никонъ рѣзко отзывался о Патріархѣ Іоакимѣ, который въ свое время былъ ему всецѣло обязанъ принятіемъ изъ Малороссіи въ число братіи Иверскаго монастыря, гдѣ былъ строителемъ, а потомъ много разъ

выступалъ съ боярами противъ Никона и по ихъ проискамъ попалъ въ Патріархи, какъ лицо враждебное Никону. Отзывъ Никона сталъ извѣстнымъ Патріарху Іоакиму и остался безъ послѣдствій временно только благодаря заступничеству Царя Алексѣя Михайловича, но былъ записанъ Никону въ пассивъ до лучшихъ временъ. Въ мартѣ 1675 г. была отправлена особая комиссія къ Никону, чтобы выработать на мѣстѣ, согласно просьбѣ Никона, вопросъ о переводѣ натуральной повинности монастырей въ его пользу на денежную, во избѣжаніе недоразумѣній. Жизнь же Никона протекала въ хозяйственныхъ заботахъ, въ сооруженіи келій, въ устройствѣ своей церкви, въ лѣченіи больныхъ. Имѣя теперь средства отъ Царя, Никонъ тратилъ деньги на благотворительность приходившимъ къ нему бѣднымъ, давалъ на приданое. Но и здѣсь клевета не оставила его. Когда умеръ Царь, и враги Никона прислали ему на смѣну пристава Шайсупова другого — Одадунова, то тотъ сумѣлъ угодить своимъ патронамъ. Шайсуповъ былъ въ ссорѣ съ Никономъ; послѣдній по своей прямолинейности съ нимъ годы не разговаривалъ, переговариваясь черезъ служекъ; онъ отомстилъ Никону, когда представился случай, а случай этотъ не заставилъ себя долго ждать.

Почва, на которой явились клеветники на Никона въ гнусныхъ поступкахъ и измѣнѣ — усиленіе враговъ Никона и желаніе приставовъ выслужиться передъ ними.

Одадуновъ явился 29-III 1676 г. съ своими правилами обереганья Никона, запретилъ ему и его службѣ свободный выходъ изъ келіи, запретилъ ходить постороннимъ къ нему, прекратилъ ними лѣченіе и окружилъ келью стрѣльцами. Былъ использованъ пріѣздъ въ Москву одного служки и присланныхъ туда Никономъ для допроса въ государевомъ дѣлѣ. Они были использованы для доноса на Никона; враги Никона привлекли Шайсупова, обвиняя его въ послабленіи Никону, и тотъ въ оправданіе себя, чтобы не оказаться умолчавшимъ, и въ отместку Никону свелъ въ докладъ всѣ слухи и чужіе пересуды со словъ Никоновскихъ келейниковъ и слугъ, имѣвшихъ неудовольствіе на Никона за строгое обхожденіе и наказаніе за пьянство, въ томъ числѣ и гнусное обвиненіе вошло въ докладъ. Особенно отличался старецъ Іона, дѣлавшій надписи на крестахъ по порученію Никона. Онъ былъ пьяница, неоднократно былъ наказанъ Никономъ, и его извѣтъ явился самымъ гнуснымъ, не соотвѣтствовавшимъ ни семидесятилѣтнему возрасту Никона, ни его настроенности; онъ былъ посланъ въ Москву Одадуновымъ для лич-

ныхъ показаній противъ Никона, которыя и произнесъ 29 апрѣля 1676 г. Шайсуповъ же обѣлявшій себя и выслуживавшійся передъ врагами Никона, которые могли за его послабленіе Никону, наказать его также, какъ и всѣхъ вообще сосланныхъ ими сторонниковъ Никона, показывалъ опять о донскихъ казакахъ, показывалъ о томъ, что „къ Никону приходятъ женки и дѣвки будто бы для лѣкарства, а онъ съ ними сидитъ одинъ на одинъ и обнажаетъ ихъ до нага, будто бы для осмотра больныхъ язвъ, а отъ его лѣкарства многія померли". Сообщалъ онъ, будто Никонъ выдавалъ замужъ неволею и билъ плетью жениха, и женилъ въ неволю, что послѣ вѣнчанія къ себѣ въ келію ихъ приглашалъ, что онъ устраивалъ игры и пьяныхъ женокъ на слободы отправлялъ на монастырскихъ подводахъ.

Заочный судъ надъ Никономъ 15 мая 1676 г., безъ предварительнаго допроса свидѣтелей и его самага однимъ доносамъ.

Когда пріѣхали съ готовымъ приговоромъ суда, то и Никонъ своимъ правдивымъ рассказомъ, по и его старцы показали всю нелѣпость обвиненій, но дѣло было уже сдѣлано что только и нужно было врагамъ Никона. На судѣ изслѣдованіе не производилось, показанія доносчиковъ вовсе не провѣрялись показаніями другихъ лицъ, не вникали въ то, что показанія на Никона дѣлались потерпѣвшими отъ него наказанія недовольными лицами; напротивъ собирались всѣ прежніе доносы и передавались Патріарху Іоакиму съ заключеніями о виновности Никона. „Можно сказать безъ преувеличенія", пишетъ Проф. Николаевскій, что, съ возбужденіемъ теперь слѣдствія по дѣлу Патріарха Никона производилась оцѣнка и жизни, и дѣятельности его за все время десятилѣтняго заключенія въ Оерапонтовѣ; пересматривались вновь дѣла и бумаги по тѣмъ обвиненіямъ и вопросамъ, которые были уже рѣшены при прежнемъ Государѣ, или оставлены были безъ послѣдствій, и которые выставлялись теперь пунктами новыхъ обвиненій противъ Никона и поводомъ къ его осужденію". 15 мая 1676 г. было вынесено постановленіе Собора, на которомъ былъ Царь Θεодоръ, Патріархъ Іоакимъ, 5 Митрополитовъ, 6 Архіереевъ, низшія духовныя власти и бояре, которое приговорило Никона на немедленное заключеніе въ Кирилловъ монастырь, описать и отобрать все его имущество, удалить его старцевъ, къ нему никого не пускать, никакихъ писемъ, никакихъ прошеній ему не приносить, не давать чернилъ и бумаги, отобрать книги, кромѣ тѣхъ, по которымъ отправлять церковное и келейное правило, поселить съ нимъ двухъ вѣрныхъ, ему чужихъ старцевъ.

Умолчаніе Соловьева о характерѣ свидѣтельскихъ показаній и свидѣтелей на судѣ 1676 года.

Обвиненія на Никона были явно нелѣпы по несоотвѣтствію съ образомъ жизни и личностью, и очень жаль, что историкъ Соловьевъ помѣстилъ такое обвиненіе (XIII, пр. 190), не приведя данныхъ, его парализующихъ, т. е. безъ объясненія, что они исходили отъ людей пристрастныхъ и низкопробныхъ, пьяницы Іоны, наказаннаго Никонѣмъ, и поссорившагося и жаловавшагося на Никона князя Самойла Шайсупова, испугавшагося обвиненій на него въ умолчаніи о Никонѣ со стороны свирѣпствовавшихъ его враговъ; онъ не сообщилъ какъ были составлены эти обвиненія на судѣ, и какой отвѣтъ былъ со стороны Никона и неотлучныхъ свидѣтелей его жизни, хотя и послѣ постановленія суда, на которомъ не допрашивался ни Никонъ, ни окружавшіе его люди. Тогда выяснилась бы его историческая недостоверность и психологическая невѣроятность изъ характера личности и жизни Никона. Новый приставъ Одадуровъ, присланный въ мартѣ 1676 г., далъ тонъ новому отношенію къ Никону, разбудившій всѣхъ его враговъ. Докладъ Шайсупова легъ въ основу соборнаго опредѣленія безъ всякаго разбирательства.

Опроверженіе Никона на обвиненія въ 1676 г.

А вотъ что Никонъ сказалъ совершенно просто со всей внутренней силой и убѣдительностью человѣка, изстрадавшагося, много испытывающаго и не могущаго уже дивиться никакимъ кознямъ своихъ враговъ, послѣ того, какъ онъ выслушалъ состоявшійся приговоръ въ церкви, куда и былъ позванъ для этого: „Которые казаки у него были, ихъ прислалъ къ нему Степанъ Наумовъ со стрѣльцами; а говорили ему тѣ казаки: есть де у нихъ въ сборѣ человѣкъ съ 200 и больше въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, а какіе люди и гдѣ они стояли, точно ему не сказали; а изымать ему тѣхъ людей не кѣмъ; къ Разину въ Симбирскъ старца никакого не посылашь и вверхъ Волгою Разина звать не велѣшь. А что онъ, Никонъ, писалъ къ Царю Алексѣю Михайловичу и прислалъ роспись людей кого лѣчилъ (въ рукописяхъ Воскресенскаго монастыря сохранились имена больныхъ и время ихъ исцѣленія и отъ какой болѣзни: числится за время отъ 1674 г. до 20 марта 1676 г. 68 мужчинъ, 53 женщины и 11 младенцевъ), и у тѣхъ людей онъ лѣчилъ больныя мѣста, помазывалъ масломъ и говорилъ надъ ними молитвы, и отъ того его лѣкарства милость Божія и исцѣленіе многимъ людямъ бывали, а про то онъ не слыхалъ, кто отъ его лѣкарства кто умеръ. За великаго Государя и за всѣхъ Патріарховъ въ церкви

Божіей и въ келейномъ правилѣ онъ повсечасно Бога молить, а за Іоакима Патріарха Бога не молить, потому что писалъ Вологодскій Архіерей въ Кирилловъ монастырь и велѣлъ Бога молить за себя, а не за Патріарха, потому что отъ него, отъ Іоакима всякое зло учинилось, и нынѣ его губить, а попамъ де онъ за Патріарха Бога молить не заказывалъ... Патріархомъ Московскимъ онъ себя называть не веливалъ и никого къ такому дѣлу не принуживалъ. Которые де присыльщики пріѣзжали отъ великаго Государя Царя Алексѣя Михайловича и его, Никона, называли великимъ святымъ отцемъ... Больныхъ де женокъ и дѣвокъ до стыдныхъ мѣстъ не обнаживалъ а давалъ имъ тѣ больныя мѣста мазать самимъ и говорилъ де молитвы надъ ними... Въ Крестовой кельѣ онъ, Никонъ, надъ болящими молитвы говаривалъ и масломъ помазывалъ. Въ кельѣ онъ женокъ и дѣвокъ у себя замужъ не сговаривалъ и послѣ вѣнчанія въ кельѣ не имывалъ и до пьяна ихъ не паивалъ и до полуночи у него не сиживали, а дѣ камъ де и женкамъ бѣднымъ, сиротамъ и всякимъ скуднымъ людямъ на пропитаніе и на платье деньги и хлѣбъ давалъ при стрѣльцахъ. Женки де брюхатой сильно онъ замужъ выдавать не веливалъ и жениха ея плетьми не бивалъ... На слободскихъ женокъ никакихъ пировъ не дѣлывалъ и до пьяна ихъ не паивалъ и на подводахъ въ слободы не отсылалъ, а кармливалъ де онъ всякихъ чиновъ людей на Господніе праздники вмѣсто милостыни за работы ихъ... Являлся де Христосъ къ нему часто въ церкви такимъ образомъ, какъ пишутся на иконахъ и подалъ ему благодать чаши лѣкарственной, и оно де по тому явленію и по благодати неисчерпаемой чаши лѣкарственной исцѣляетъ, и отъ того его лѣкарства Богъ отъ болѣзней многихъ людей избавляетъ, а больше того его никто лѣкарству не учивалъ... Патріархомъ онъ писывался, потому что ему отъ великаго Государя Иванъ Образцовъ и Козьма Лопухинъ и иные присыльщики его Никона называли святымъ отцомъ, да ему же изъ тѣхъ присыльщиковъ сказывали, что великій Государь не заповѣдываетъ его Патріархомъ называть".

Показанія свидѣтелей (1676 года) оправдываютъ Никона отъ клеветъ, но эти показанія уже послѣ суда.

Іеромонахъ Варлаамъ, больной старецъ Козьма показывали, что никогда зазорныхъ лицъ въ келіяхъ не было, только больные. Діаконъ Мордарій показывалъ, что онъ ѣздилъ въ Москву, письма Царю передавалъ черезъ его духовника протоіерея Савинова, покупалъ тамъ лѣкарства, но, какъ ихъ составлялъ Никонъ и мазалъ, онъ не видалъ; мужчины, женщины и дѣти часто приходили къ Никону за

лѣченіемъ, видѣлъ какъ Никонъ читаль молитвы надъ ними по требнику, приносилъ кадило, свѣчи, а ничего худого никогда не замѣчалъ; кромѣ больныхъ, никто изъ зазорныхъ къ нему не приходилъ. Варлаамъ и Мордарій были сосланы подъ надзоръ въ Крестный монастырь, гдѣ и оставались до 1680 года. Судъ 1676 г. окончательно прекратилъ земную дѣятельность Никона, и онъ былъ возвращенъ въ августѣ 1681 года въ Воскресенскій монастырь, но возстановленъ во всѣхъ правахъ Патріарха только послѣ смерти († 17 августа 1681 года) Грамотой Восточныхъ Патріарховъ, привезенной 9 сентября 1682 года тогда, когда уже Никонъ никому поперекъ дороги встать не могъ.

Отношеніе Никона къ боярству.

Мы говорили, что Никона не любило боярство, и ему онъ обязанъ своей тяжелой судьбой и невозможностью установить каноническое управленіе Церковью. Но самъ онъ былъ чуждъ какой-либо вражды къ боярству, какъ таковому. Онъ защищалъ отъ его захватовъ Церковь, ибо почиталъ это архипастырскимъ долгомъ и бичевалъ только тотъ духъ въ части боярства, который приводилъ его къ захвату Церкви, а, въ качествѣ совѣтника Государя, боролся съ тѣмъ мѣстничествомъ, которое губило государство, пріостановивъ его на время войны (оно въ полной силѣ возобладало до окончанія войны, но послѣ ухода Никона, что и обнаружилось въ страшныхъ пораженіяхъ 1659 и 1660 годахъ). Мы видѣли его борьбу съ боярскимъ либеральнымъ антицерковнымъ духомъ въ „Раззореніи“, которое пересыпано обличительными обращеніями къ Стрешневу и Одоевскому. „Князь Никита Одоевскій, человекъ чрезвычайно гордый, не имѣющій страха Божія въ сердцѣ; онъ не читаль и не понимаетъ Божественнаго Писанія и каноновъ Св. Апостоловъ и Св. Отець. Онъ вовсе не думаетъ жить по нимъ, и тѣхъ, кто живетъ по нимъ, онъ ненавидитъ, какъ своихъ личныхъ враговъ, будучи самъ врагомъ истины. Товарищи его — люди невѣжественные въ Св. Писаніи, а дьяки — завѣдомые враги Божіи и грабители, которые среди бѣла дня безъ страха губятъ людей Божіихъ" (I, 354).

А Стрешневу онъ писалъ: „Ты вѣруешь, что есть Богъ, хорошо; дьяволь тоже вѣруетъ и дрожить; но хочешь ли видѣть, пустой человекъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Развѣ Авраамъ не оправдывалъ ее дѣлами, когда предложилъ Исаака на алтарь? Дѣлами и вѣра сдѣлалась совершеннѣй. Авраамъ возлюбилъ Бога, и ему это вмѣнено

въ праведность, и онъ названъ другомъ Божиимъ. Ты видишь, какъ дѣлами, а не вѣрой только оправдывается человекъ? Видишь, что согласно Писанію, ничего нѣтъ въ васъ христіанскаго. Но вы отвернулись отъ Бога и антихристами стали, т. е. богоборцами" (I, 167).

Считая Царя неограниченнымъ властителемъ въ свѣтскихъ дѣлахъ, и считая свое осужденіе возможнымъ лишь при попустительствѣ Царя, захватившаго и церковную и государственную власть, Никонъ возлагалъ отвѣтственность на Царя, но больше винилъ бояръ. Онъ писалъ въ „Раззореніи“, что подстрекатели виновнѣе самого дѣятеля, говорилъ и Стрешневу въ мартѣ 1669 года о томъ, что боярское безчинство онъ считаетъ причиной и Разинской смуты, и безчинія въ Церкви и осужденія ея Первосвятителя. Говорилъ онъ и на судѣ Царю, намекая на бунты 1648 и 1662 г., что онъ самъ свидѣтельствовалъ тогда о неправдахъ боярскихъ. Но у Никона не было вражды къ боярскому сословію, какъ таковому. У него были среди него друзья, которымъ онъ самъ покровительствовалъ и хлопотывалъ имъ повышенія, но онъ въ этомъ не связывалъ себя установившимися рамками придворныхъ положеній. Онъ покровительствовалъ Зюзину, который былъ назначенъ воеводой въ Путивль, и совершенно очевидно, что съ новыми для Московскаго двора людьми Матвѣевымъ (сынъ дьяка) и Аф. Лавр. Ордынъ-Нащокинымъ (Псковскій дворянинъ) находился въ такихъ отношеніяхъ, что Зюзинъ, желая заставить Никона пріѣхать въ Москву и тѣмъ повліять на Царя въ смыслѣ примиренія, ссылаясь именно на нихъ, на ихъ якобы разговоръ съ Царемъ, чтобы заставить Никона повѣрить въ истинность желанія Царя видѣть Никона въ Москвѣ. Пальмеръ сообщаетъ (IV, 556), что Зюзинъ показывалъ письма Никона къ нему думному дворянину Аѳанасію Лаврентьевичу Ордынъ-Нащокину, говорилъ и о своихъ письмахъ пригласительныхъ къ Никону, но скрывалъ отъ него, что онъ писалъ, ссылаясь на слова самого Нащокина, и Нащокинъ сказалъ: „это хорошо“, т. е. онъ одобрилъ возвращеніе Никона, хотя лично не принималъ никакого участія въ предпріятіи Зюзина и даже не зналъ, что тотъ предпринималъ со ссылкой на него.

Бояре враждебные Никону, вышли изъ лицъ, близкихъ ко двору или занимавшихъ высшіе посты.

Повидимому, кругъ враждебныхъ Никону бояръ ограничивался нѣсколькими семьями, особенно близкими Царю по родству женскихъ линій (Стрешневы, Милославскіе) и связанныхъ съ ними (мать Богдана Хитрово была у Морозовыхъ кормилицей). Милославскіе и

Хитрово были выдвинуты Морозовыми ко двору; всѣ они занимали главные посты въ государствѣ и тяготились вліяніемъ Никона на Царя. И другія лица, встрѣчающіяся въ дѣлѣ Никона — все представители власти. Илья Даниловичъ Милославскій († 1668) отецъ Царицы, онъ во главѣ Иноземнаго Приказа и Приказа Большой Казны. Окольничій Иванъ Андреевичъ Милославскій († 1663) во главѣ Ямского Приказа, Богданъ Хитрово (умеръ не ранѣе 1677) во главѣ Земскаго Приказа и новой Чети (1654-1665). Онъ былъ креатурой Морозова и Милославскихъ (объ его безнравственной жизни сообщаетъ докторъ Коллинсъ (между 1664 и 1668): „его жена однажды была найдена мертвой въ постели; такъ какъ его измѣны были общеизвѣстны, и ревность жены его тяготила, то были подозрѣнія на него. Царь потребовалъ отъ него или прекратить порочную жизнь съ польскими дѣвками, или оставить дворецъ“). Въ 1663-1664 г. онъ вѣдалъ Приказомъ Большого Дворца; 1 сентября 1667 г. Онъ сдѣланъ бояриномъ (V ар. 204). Дьякъ Алмазь Ивановъ — секретарь Боярской Думы, главный секретарь Посольскаго Приказа и Предсѣдатель Новгородской Четверти. Также представители родовой власти — враги Никона — Никита Ивановичъ Одоевскій предсѣдатель Казанскаго и Сибирскаго Приказа отъ 1643-1646 г. и А. Н. Трубецкой († 1663 г.) въ немъ отъ 1646-1663 г. Одоевскій (умеръ послѣ 1676 г.) былъ предсѣдателемъ Монастырскаго приказа, созданнаго Уложеніемъ (II, 403-405); бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ былъ предсѣдателемъ Малороссійскаго Приказа (V, ар. 216); Боборыкинъ — родственникъ Романовыхъ и Шереметевыхъ (ib. 218).

Участіе Никона въ государственной политикѣ его времени.

Посвящая свой трудъ изученію возрѣній Никона, мы не можемъ пройти молчаніемъ его участія въ государственной политикѣ его времени, ибо онъ былъ совѣтникъ Царя. Въ смыслѣ неодобренія боярскаго мѣстничества и существованія и расцѣнки людей по породѣ, Никонъ былъ, какъ государственный регентъ и совѣтникъ Государя, прямымъ предшественникомъ Петра I вмѣстѣ съ Ордынъ-Нащокинымъ; у него не было преклоненія передъ стариной только потому, что она старина; изъ этой старины онъ почиталъ только то, что проходило черезъ испытаніе его критической оцѣнки: такъ въ отношеніи положенія Церкви въ государствѣ онъ былъ консерваторъ, но онъ почиталъ просвѣщеніе, знакомство съ иноземными усовершенствованіями техническаго рода и въ этомъ отношеніи былъ

изъ числа людей новыхъ. Въ иностранной политикѣ, какъ совѣтникъ Государя, онъ стремился къ объединенію православнаго русскаго населенія и къ покровительству православныхъ народовъ иноплеменныхъ. Если польская война не закончилась Виленскимъ договоромъ 24 октября 1656 г. (который и Малороссію и Бѣлороссію отдавалъ Россіи и предусматривалъ соединеніе Россіи съ Польшей), и потомъ въ 1659 г. возобновилась война за Малороссію, вслѣдствіе измѣны Выговскаго, то Никонъ здѣсь не причемъ. Пораженія 1659 и 1660 г. вслѣдствіи мѣстничества боярь отдалили на 100 лѣтъ завершеніе поставленной задачи національнаго объединенія, а война съ Швеціей указывала путь Петровскимъ стремленіямъ къ берегамъ Балтійскаго моря. Есть данныя думать, что война за Малороссію началась въ значительной степени подъ вліяніемъ Никона, а бояре ея тяготились, какъ бременемъ, и историческая задача по объединенію Россіи у нихъ отступала на задній планъ передъ ихъ нежеланіемъ воевать.

Вѣдь, еще въ 1651 г. въ февралѣ Хмѣльницкій отправилъ посольство въ Москву съ просьбой о принятіи подданства; соборъ духовенства и гражданскихъ особъ не рѣшился это осуществить, и въ 1653 г. Хмѣльницкій, зная силу Никона, писалъ ему: „Вѣдуще мы о ревности, еюже твое великое святительство по Господѣ Бозѣ Вседержителѣ, по Вѣрѣ Православной, по Церкви Божіей, и по всемъ народѣ восточнаго благочестія ревнуемъ, просимъ Твое великое святительство да уважешь быти о насъ ходатай къ Его царскому величеству, да подасть намъ отъ великаго государства свою руку помощи; мы же служити невѣрному Царю не хотимъ, но точію православному государю, и твое великое святительство, ходатая о насъ къ Богу и его царскому величеству, просимъ, дабы была едина вѣра и едино сочетаніе, а аще бо иновѣрцы и взываютъ насъ къ себѣ, но мы Бога молимъ, дабы отвратилъ очи наши не видѣти суеты и поставилъ насъ на стезю праву заповѣдей Своихъ.“ Бояре опять разсуждали такъ, какъ и въ 1651 г., боясь войны съ Польшей, которая была бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ присоединенія Малороссіи, но Никонъ убѣдилъ присоединить Малороссію, изобразивъ страданія тамъ православныхъ людей. Съ какой надеждой взирали на Никона малороссы, показываетъ письмо ихъ къ Никону.

Письмо къ Никону отъ Гетмана Хмѣльницкаго и всего Запорожскаго Войска 9 августа 1653 г. (Чт. О. И. и др. 1848, 8 послѣдній Отдѣлъ 53 стр.) гласить:

„Божіей милостью Великому Святителю Святѣйшему Никону Патріарху царствующаго града Москвы и всея Великія Россіи, господину и пастырю, Его Великому Святительству Богданъ Хмѣльницкій гетманъ Войска Запорожскаго и все Войско Запорожское, низко и смиренно до лица земли челомъ бьемъ.

Вѣдуще мы о ревности, еюже твое Великое Святительство ревнуетъ по Господѣ Вседержителѣ, по Вѣрѣ Православной и по всемъ народѣ восточнаго благочестія, просимъ твое Великое Святительство да изволитъ быти о насъ ходатай къ Его Царскому Величеству, да подастъ намъ отъ великаго государства свою руку помощи; и рать намъ отпустить въ помощь на ляховъ, понеже Король приходитъ на насъ со всей силой Ляцкою Вѣру Православную Церкви Божіей и народъ православно-христіанскій отъ земли потребити хотяй. Мы же служити невѣрному царю не хотимъ, но точію православному Государю, Его Царскому Величеству челомъ бьемъ; и да подѣ крѣпкою его Великаго Государя рукою и покровомъ пробудемъ, Господа Бога Молимъ, и твое Великое Святительство, ходатая о насъ ко Богу и къ Его Царскому Величеству, просимъ. О семъ же и сугубо Великое твое Святительство прося, молимъ, да не возвратится посланецъ нашъ Герасимъ Яцковичъ отъ Его Царскаго Величества и отъ твоего Великаго Святительства къ намъ тощъ, но скоро съ силою и помощію Великаго Государя, Его Царскаго Величества, незадержанъ къ намъ да возвратится; и да обрадуетъ насъ, паки и паки Твоему Великому Святительству молимся и молитвамъ святымъ и благословенію себя вручаемъ. Въ Глуховѣ 9 дня августа 1653 г.

Вашему Великому Святительству во всемъ повинные слуги и подножники, Богданъ Хмѣльницкій Гетманъ со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ".

Отъ 12 августа опять грамота, что: „какъ прямыхъ слугъ своихъ Царское Величество ущедрити и пожаловати изволилъ", грамота за это приноситъ благодарность и обращается къ Никону: „Твое же Великое Святительство молимъ, да изволился о насъ къ Богу и къ Великому Государю, Его Царскому Величеству неусыпный ходатай быти, да помощи руку подастъ намъ на враговъ нашихъ скорѣйшую и прескорѣйшую ратію свою Великій Государь, да не безпомощнымъ намъ это зло сотворять".

Спустя лѣтъ 14-15 то же явленіе. Гюббенетъ приводитъ письмо одного архимандрита греческаго, который писалъ въ Константино-

поль о немъ, называя Никона вторымъ Златоустомъ, что „Царь его любить и желаетъ и приходитъ къ нему для бесѣдъ по ночамъ; бояре же отстраняють Никона за то, что онъ настаиваетъ, чтобы онъ шель на войну противъ татаръ, которые полонили множество москвичей и казаковъ, но это боярамъ не нравится, ибо они привыкли проводить болѣе спокойную жизнь въ Москвѣ. Никонъ доброжелателенъ грекамъ, милостивъ къ Патріархамъ и ревностный защитникъ догматовъ Восточной Церкви, что грамоты присланныя оъ Мелетіемъ къ Патріархамъ, составилъ Паисій Лигаридъ, который, получивъ отъ бояръ дары и почести, устроилъ козни противъ Никона, что Мелетію дано 8 тысячъ золотыхъ, которыми онъ подкупленъ для дѣйствій противъ Никона". (Гюб. т. II, гл. 5).

Никонъ былъ имъ нелюбъ такъ же, какъ нелюбъ былъ Грозный Царь, ибо, какъ совѣтникъ Государя, онъ дополнялъ въ Царѣ Алексѣѣ то, чего ему не хватало въ смыслѣ внутреннихъ дарованій для проведенія государственной политики въ отношеніи къ разложившемуся боярству. Это боярство Шакловитый называлъ немного спустя „зблымъ деревомъ", съ которымъ нечего считаться, но этого боярства едва не хватило на то, чтобы расчленивъ Россію на удѣлы въ 1682 г., и хватило на то, чтобы ввергнуть Россію въ половинѣ 17 вѣка на путь секуляризаціи государства и свалить того, кто былъ главнымъ его противникомъ на этомъ пути — Патріарха Никона. Если Никонъ въ государственной сферѣ, какъ совѣтникъ Государя, былъ предшественникомъ и предвѣстникомъ лучшихъ достиженій Петра въ иностранной политикѣ, если онъ вносилъ духъ реформы своимъ критицизмомъ, то боярство сумѣло вырвать отъ Никона ту основу, на которой строилось само государство, и подготовить путь къ дальнѣйшей секуляризаціи государства Петромъ, вопреки завѣтамъ Никона, тѣмъ, что оно положило начало подрыву общественнаго положенія Церкви, не столько даже Уложеніемъ, сколько низложеніемъ великаго Первосвятителя черезъ посредство челоукогодническихъ Архіереевъ и подкупъ наймитовъ-Патріарховъ, обезсилившимъ положеніе Патріарха въ русскомъ государственномъ строѣ.

Боярство, добившись осужденія Никона, обезсилило положеніе Патріарха въ государственномъ строѣ.

А это обезсиленіе въ свою очередь устранило препятствія къ государственному законодательству по церковнымъ дѣламъ въ 1700-1720 годахъ, вполне подготовившему и полное уничтоженіе

патріаршества и постепенное полное разрушеніе общественной дѣятельности Церкви.

Сравненіе Никона съ Крижаничемъ и Петромъ I въ политическихъ идеяхъ.

Любопытно сравненіе, которое дѣлаеть Пальмеръ, между Петромъ, Никономъ и Крижаничемъ. Никонъ и Крижаничъ требуютъ отъ правителя государства прежде всего благочестія къ Богу, а затѣмъ уже силы и мощи (военной и морской) и мудрости для заботы объ общемъ благѣ, но у Петра первая идея — подвиги и слава и остальные упомянутыя свойства нужны лишь, поскольку они могутъ вести къ подвигамъ и славѣ. Крижаничъ ставитъ мудрость правителя въ соблюденіи двухъ правилъ: „познай самого себя" и „не довѣряй иностранцамъ". Петръ самъ ученикъ иностранцевъ, навелъ Россію иностранцами разныхъ исповѣданій. Здѣсь Никонъ едва ли бы одобрилъ второе правило Крижанича въ его исключительномъ значеніи, но въ принципѣ все же онъ больше съ нимъ, чѣмъ съ Петромъ, но съ условіемъ принятія иностранцемъ православія, если онъ годный человѣкъ. Относительно силъ государства. Крижаничъ не рекомендовалъ присоединять Балтійскія провинціи. Никонъ здѣсь съ Петромъ, но только безъ допущенія нѣмцевъ и шведовъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, но допустилъ бы нѣкоторую автономію для мѣстныхъ дѣлъ. Что касается мощи государства, то Крижаничъ и Никонъ хотятъ національнаго согласія и объединенія; но Петръ раздѣлилъ Россію на два противоположныхъ и враждебныхъ лагеря съ нѣмецкой тенденціей и національной, изъ коихъ одна матеріалистическая или невѣрующая, а другая религіозная или, по меньшей мѣрѣ, супранатуралистическая. Что касается военнаго командованія, то Крижаничъ не допускаетъ иностранцевъ; Петръ уничтожилъ наследственную знать и поставилъ Меншикова надъ старыми фамиліями и свободно давалъ командованіе иностранцамъ. Никонъ, вѣроятно, не возражалъ бы противъ годныхъ иностранцевъ, если бы они приняли православіе, и свободно бы возводилъ до высшаго ранга русскаго низшаго происхожденія, и въ этомъ отношеніи похожъ на Петра. Всѣ трое согласны въ стремленіи къ освобожденію отъ стараго невѣжества, къ изученію искусства и стремленію къ лучшей формѣ общества, хотя и есть разница въ направленіи, поскольку у Никона и Крижанича стремленія горнія, а у Петра болѣе матеріалистическія. Крижаничъ и Никонъ привѣтствуютъ самодержавіе, но оно у нихъ не выливается въ форму безграничнаго

произвола и захвата священства, какъ у Петра I. У нихъ власть Царя абсолютна въ томъ отношеніи, что никакой подданный, никакое собраніе подданныхъ не можетъ диктовать царю воли; въ этомъ вся инициатива отдается Царю, но въ высшей сферѣ Царь имѣетъ надъ собой законы Бога и Церкви, и въ отношеніи его отдѣльныхъ распоряженій, если онъ приказываетъ что-либо нечестивое, подданные не обязаны ему повиноваться, но скорѣе должны отказать въ повиновеніи и пострадать за правду и справедливость. Но такой Царь православный будетъ дѣйствовать согласно обычаю, по совѣтамъ съ своимъ синклитомъ и спрашивая совѣта и благословенія Патріарха. Онъ можетъ дѣлать все, что благочестиво и законно, можетъ измѣнять старые и возстановлять новые законы, поскольку онъ не затрагиваетъ законъ высшій — Божескій или Церковный. По Никону Царь утверждаетъ за духовенствомъ его привилегіи и изъятія отъ свѣтской юрисдикціи, отъ публичной службы налоговъ и право владѣть своими землями безъ платежа налоговъ, а Петръ уничтожилъ всѣ эти привилегіи духовенства (V, 107-109). Пальмеръ умолчалъ объ одномъ огромномъ различіи между Никономъ и Крижаничемъ: панславистъ Крижаничъ не только идею племенную ставилъ много выше чѣмъ Никонъ, для котораго идея религіозная была выше національной, но и сама ихъ религія была разная. Какъ католикъ, Крижаничъ былъ иной церковной культуры, чѣмъ Никонъ. Различіе между Никономъ и Петромъ въ идеѣ о государственномъ законодательствѣ о Церкви огромно, оно восходитъ до полного различія культуры; оно настолько велико, что затмѣваетъ тѣ сходства между ними, которыя относились къ конкретнымъ государственнымъ задачамъ ихъ времени. Они могли сходиться во мнѣніяхъ о томъ, что нужно просвѣщеніе, что боярство своимъ мѣстничествомъ губитъ государство, что Россіи нужны берега Балтійскаго моря, что надо возвышать людей не по породѣ, а по заслугамъ для блага государства, Но то обстоятельство, что Никонъ ставилъ на первомъ планѣ для Царя православное благочестіе въ личномъ и общественномъ его пониманіи и проводилъ реально въ жизнь понятіе самостоятельной Церкви, а Петръ ставилъ на первомъ планѣ подвиги и славу, а Церковь представлялъ только какъ полицейское орудіе государства и къ самому вѣроисповѣданію относился безразлично, — кладетъ между ними пропасть такую же, какая существуетъ въ общественномъ отношеніи между Протестантизмомъ и Православіемъ.